

Андрей ДЕТКИН

И
З
Н
а
Н
К
а

Андрей Деткин

Изнанка

«Автор»

2014

Деткин А.

Изнанка / А. Деткин — «Автор», 2014

Обычный студент по воле случая оказывается в совершенно незнакомом мире, странном и пугающем. Что это - параллельная реальность или место, из которого видна темная сторона нас самих? Изображение сгенерировано на PlanetVPN.

© Деткин А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава №1	5
Глава №2	8
Глава №3	11
Глава №4	15
Глава №5	19
Глава №6	25
Глава №7	32
Глава №8	34
Глава №9	42
Глава №10	45
Глава № 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Деткин

Изнанка

Глава №1

Генка Муханов никак не мог заснуть. Бесцельно разглядывал расплывшееся на беленом потолке темное пятно, напоминающее козлиную морду. Несмотря на все усилия, мысль о завтрашнем зачете по сопротивлению материалов взрывалась в голове подобно глубинной бомбе. Озноб, ударной волной, расходился по телу и затухал на кончиках пальцев ног.

Преподаватель дисциплины – Семен Григорьевич Лысенко (среди учащихся – Лыска), обещал быть особо предвзятым к прогульщикам. Но даже и без подобной угрозы у сачка Генки имелись веские причины бояться предстоящего зачета. Он абсолютно не был готов к испытаниям. Те несколько дней, которые отводились на подготовку, Муханов потратил самым бездарным образом: слонялся по друзьям, валялся на кровати, уставившись в телевизор, и заготавливал шпаргалки. Вчерашнее известие от «отстрелявшейся» группы, мягко говоря, было удручающим – зачет принимают оба преподавателя. Семен Григорьевич – собственно зачет, а Федор Александрович курсирует по аудитории. Списать – ни малейшей возможности.

Измощенный переживаниями, Генка с чувством ударил по подушке и с тяжелым вздохом сел на кровать. Электронный будильник показывал четыре с четвертью. С завистью Муханов посмотрел на пустующую кровать напротив, где должен храпеть (он всегда храпит) Антон Гриценко. Приятелю несказанно повезло, неделю назад он умудрился, выходя из автобуса, упасть и сломать ногу. Теперь он храпит в восьмой палате хирургического отделения ЦРБ.

Генка снова тяжело вздохнул, затем встал и, шлепая голыми ступнями по линолеуму, побрел на кухню. Со стола взял пачку, достал последнюю сигарету и сунул в зубы. Подошел к мойке, намереваясь выкинуть в мусорное ведро пустую упаковку. Наклонился, пальцами ухватился за ручку дверцы шкафа, как неожиданно изогнутый лебединой шеей кран вздрогнул и плюнул в раковину ржавой водой с окалиной. Через секунду бурая жидкость под давлением вырвалась из хромированного гусака уже серией коротких залпов.

Генка вздрогнул и принялся крутить «барашки» по часовой стрелке, но они почему-то прокручивались. Теперь из крана тонкой струйкой бежала темно-коричневая жидкость. Выступила в соединениях смесителя, набухла и засочилась, оставляя бурый след на раковине.

Взгляд уловил какое-то движение на стене прямо за краном, послышалось тихое потрескивание. Присмотревшись, в тусклом свете лампы скрытой под мутное стекло люстры, он увидел расплывающуюся веткой трещину. Лазурь на голубой плитке посерела, покрылась сеткой мелких трещин.

В изумлении Генка отступил и уперся спиной в холодильник, сигарета вывалилась из открытого рта. Трещина добежала до потолка, одновременно с этим на крышку шкафа упала отколовшаяся плитка, и разлетелась на мелкие кусочки, словно пережженный черепок. Сточная горловина раковины оторвалась бульканьем. Из сифона выползли, словно стебли вьюна, коричневые нити ржавчины, распустились рыжими листьями по дну мойки. Из дальней комнаты доносился глухой сбивчивый треск.

С потолка посыпалась побелка, холодильник вздрогнул, словно в конвульсиях и затих. Створки посудного шкафа расслоились и набухли, салатный облицовочный пластик стал серо-желтым и полопался. Завороженный зрелищем моментального старения кухни Генка не мог пошевелиться. Он не понимал, что происходит. Из такого подвешенного состояния его вывел грохот, донесшийся из смежной комнаты.

На ватных ногах Генка прошел по коридору и открыл дверь. Обветшание тронуло туалет в большей мере. Растрескавшаяся плитка падала со стен на пол, фаянсовый бачок пошел мелкой сеточкой трещинок и сильно накренился назад, белый потолок покрылся черными подтеками и серо-зеленой плесенью.

На полу, прислонившись к унитазу, стояла дверца, сорвавшаяся с петель технического шкафа (скорее всего она явилась причиной грохота). ДСПешное полотно вздулось, словно долгое время лежало в воде, краска облезла и свернулась.

В образовавшемся проеме виднелись чугунные трубы канализационного стояка и ливневки, покрытые бархатистым грибом. В полумраке шахты Генка рассмотрел старую кирпичную кладку и повисшие на ней, словно лоскуты истлевшей ткани, водоросли.

Пересиливая страх, он сделал осторожный шаг вперед и наклонился, всматриваясь в плесень на трубах. Странное дело: она ритмично вздымалась и опадала, словно дышала. Из чрева технического тоннеля раздалось утробное урчание, что-то сорвалось с верхнего этажа, пролетело с шелестом вниз и с грохотом ударилось о металлическую трубу. Звук эхом раскатился по шахте.

Генка в ужасе отпрянул. Его сознание не стало разбираться, на сколько, реально происходящее и взмолилось о спасении. Генка пулей выскочил из туалета, с силой захлопнул за собой дверь, из-за косяка посыпалась труха. Бросился по коридору в комнату, на повороте поскользнулся и упал. Не обращая внимания на боль в бедре, быстро вскочил и залетел в комнату. Закрыл дверь и подпер плечом. Сердце гулко колотилось в груди.

Вынырнуть из бездны ужаса и взять мысли под контроль, он смог спустя несколько минут. В коридоре ничего не происходило. Тишина за дверью вкрадчиво убеждала – брось, приятель, это мерешки, продолжение сна, разве такое может быть? Ну, сам подумай, с чего это вдруг плитка посыплется со стен, а дверь шкафа ни с того ни с сего отвалится, к тому же еще набухла, словно неделю провалялась в луже. Ну же, смелее.

С другой стороны все выглядело очень натурально: и звуки, и превращение, и плесень.

Жуть крепкой хваткой вцепилась в Генку и с неохотой разжимала пальцы. После размышлений и сомнений он решил разрубить гордиев узел простым и в то же время невероятно трудным решением – пойти и проверить. Но прежде чем сделать столь смелый поступок оделся, в карман джинсов сунул мобильник, прокрался в коридор и обул кроссовки, чтобы в случае неблагоприятного развития событий без проволочек покинуть «аномальную» квартиру.

Медленно, с особой осторожностью Генка повернул дверную ручку, но прежде чем открыть дверь туалета, предусмотрительно подставил ногу, ограничивая ход полотна.

В образовавшуюся щель, бегло осмотрел внутреннее пространство. Желтая дверца технического канала покоилась на месте, плитка на стенах играла глянцевыми бликами, унитаз поблескивал белым фаянсом. Осмелев, Генка открыл дверь шире.

«Черт. Надо же было такому привидеться», – думал Генка, переступая порог туалета. Яркий свет растекался по гладкому кафелю, ДСПешная дверца была на месте в своем первоначальном виде, ни малейшего следа плесени и тлена. Он вертел головой по сторонам, все больше поражаясь скрытым возможностям своего воображения.

– Ерунда, какая-то, – робко усмехнулся Генка, пятясь к двери.

Он вышел из туалета и в нерешительности остановился в коридоре, – «Что делать? Спать?». Достал из кармана мобильник и посмотрел время – 4:42. В нижнем правом углу экрана мигал значок «неотвеченный вызов». Он нажал на кнопку, экран вспыхнул бледным синеватым светом, всплыл входящий номер без подписи. Генка наморщил лоб, перебирая в

голове имена и лица, кто бы мог ему звонить среди ночи. Таковых оказалось не мало. Не остановившись ни на ком, нажал «вызов». Вскоре в трубке прозвучал приятный женский голос: «неправильно набран номер, перезвоните ...». Генка присмотрелся к ряду цифр. И, правда, вместо одиннадцати их оказалось двенадцать. Время вызова обозначалось 4:28. Все стало ясно, в это время он стоял в сортире, и выпученными глазами рассматривал свою галлюцинацию. Но звук, похожий на треск коммутаторов, доносившийся из комнаты вовсе не та мелодия, которую он установил на телефоне.

Генка подбросил мобильник и поймал. Аппарат достался ему почти даром, приобрел по случаю несколько дней назад. Видавшая виды «серая» «моторолла», «прошитая» Вадиком Могилой иногда «глючила», но, в целом, работала исправно.

Выяснив обстоятельства «неответченного вызова» его мысли снова вернулись к начальной точке, – «Что делать?». Он прошелся на кухню, за окном брезжил рассвет, тонкая светлая полоска на горизонте уже расколото черным небосвод надвое. Оставалось спать три с половиной часа. Генка проследовал в спальную и прямо в одежде завалился на кровать.

Глава №2

Он проспал, причем намного, не было смысла идти к третьей паре. С сожалением и с некоторым воодушевлением он воспринял «правду жизни». «Зачет сдам со следующим заходом» легко справился он с проблемой.

В животе заурчало. Генка вытащил из кармана деньги и раскрыл ладонь. Не вдаваясь в подробности, определил на взгляд – мелочи едва хватит на булочку и чашку кофе в «Попугае». «Надо бы заглянуть к предкам», – вспомнил он о родителях. По большей части о них и вспоминал, когда было что-нибудь нужно, но чаще деньги. Хотя отец перешагнул черту пенсионного возраста, продолжал работать инженером на «Волгопромгазе». Мама – сколько себя помнил Генка, домохозяйничала и достойно справлялась с этой обязанностью.

По окончании первого курса ему удалось уговорить родителей снять и частично оплачивать квартиру в соседнем районе, остальные деньги за квартплату вносил его приятель Антон из Новосибирска. Генка не сильно расстраивался, покидая отчий дом, и все его переживания вылились в некоторые неудобства – приходилось все делать самому и часто получалось не лучшим образом. Но были и плюсы, причем несоизмеримые – вольница, ни какого контроля, исполнение желаний, конечно, в зависимости от достоинства и количества купюр в кармане.

«Нет, у них просил деньги на прошлой неделе. Надо бы протянуть хотя бы еще пару денечков. Есть к ним тоже идти неудобно, мать начнет расспрашивать, почему не на занятиях, про экзамены... И вообще, надо завязывать с пьянством, поменять к чертовой бабушке «Собаку» на что-нибудь более дешевое, к примеру на пивнушку «У Сани»».

Генка перебирал в голове варианты, где мог бы перекусить. Друзья в основной массе учились вместе с ним и, сейчас часть из них сдавала зачет, другая протирали штаны на лекции. Выбор пал на Светлану, фамилию девушки Генка не помнил, помнил, что Игорь Чилимов звал ее «Светка – пипетка». Она училась на вечернем, и сутки через двое подрабатывала консьержкой. «Возможно, она окажется дома».

Генка шел к входной двери, одновременно набирая номер знакомой. Его пальцы коснулись замка, когда телефон в руке, не дождавшись команды «вызов», вдруг затрещал странным ломающимся звуком. В недоумение Генка посмотрел на монитор, цифры «входящего» мерно пульсировали. Что-то защекотало пальцы, лежащие на «вертушке», но так ее и не повернувшие. Он посмотрел на кисть, труха коричневой крошкой сыпалась сверху и стекала по ребру ладони. Генка медленно перевел взгляд на дверь. Это была уже не та филанчатая дверь с медным глазком, которую бесчисленное количество раз он открывал и закрывал. Перед ним было потрескавшееся, облезлое с рассохшимися досками полотно, продолжающее коробиться и лопаться.

Генка ощутил под пальцами зуд, словно под ними копошились муравьи. Отдернул руку: вертушка покрывалась язвами ржавчины.

Дверной косяк выгнулся, краска на нем лопалась и скручивалась барашками, древесина слоилась, покрывалась порами и выщерблинами.

Генка почувствовал, как по телу растекается противная сковывающая слабость, волосы на затылке поднимаются дыбом. Одна доска хрустнула и переломилась. В проломе виднелся лестничный марш.

Сырой подвал с шелушащимся потолком и плесневелыми стенами, ступени, засыпанные отслоившейся штукатуркой, тошнотворный запах гнили под слесарной мастерской ЖЭКа, где Генка в детстве втихаря курил отцовскую «яву», был копией лестничного марша, на который он сейчас таранился.

Телефон продолжал хрипеть. Генка не находил сил сдвинуться с места, ноги словно вросли в пол. Все вокруг менялось: запустение и старость продолжали растекаться по стенам, заползали на потолок и пол. На голову сыпалась побелка, со всех сторон доносился, треск и скрежет.

Снизу на входной двери в подъезд жалобно простонала пружина. До слуха донеслось неспешное шарканье и хруст кирпичного крошева под подошвой. Парализованный страхом Генка с ужасом смотрел через пролом на лестницу, с болезненной томительностью ожидая увидеть обладателя старческой походки.

Темная, невысокая фигура, в черном плаще «шпиона», свисающего тряпкой с худых плеч, в фетровой, потрепанной шляпе из-под которой на плечи спадали длинные слипшиеся, черные как смоль волосы, двигалась невообразимым образом. Тип сделал шаг и моментально оказался возле двери, преодолев разом, семь ступеней.

У Генки никак не получалось объять происходящее своим испуганным, сузившимся до игольного ушка сознанием. Вокруг все сыпалось и ломалось. Телефон продолжал хрипеть и трещать в потной ладони.

Мужчина в плаще так резко поднял голову, что Генке показалось, – сейчас слетит шляпа. Однако она осталась на месте, словно приклеенная. Через пролом в искореженной двери на неподвижном, бледном, почти белом лице, порезанном нитями длинных волос, на него смотрели глаза с огромными зрачками с яркой обводкой как потухшие солнца с застывшими языками огненной короны.

За спиной с грохотом и звоном бьющегося стекла рухнула люстра. Генка вздрогнул и инстинктивно сделал маленький шагок в сторону. Он получился кротким и уродливым, словно вместо ног были протезы.

Резкий и сильный удар в дряхлую дверь пробил ее насквозь, переломив еще одну доску. Треск прозвучал, как выстрел. В голове у Генки, словно что-то перещелкнуло. Он долго моргнул, словно смывал с глаз загустевшее наваждение, затем просветлевшим взглядом обвел руины, в которые превратилась квартира и обернулся. Коридор на кухню представлял собой развалины после бомбежки.

Огромный пласт штукатурки отвалился от стены и осыпался в проход, оголив кирпичную кладку, выключатель болтался на обуглившейся проводке и искрил. Кухня чернела и шелушилась. Половые доски под усохшим растрескавшимся линолеумом перекорежило, казалось, под полимерным покрытием набросаны сучковатые ветки. Лишь окно, на кухне оставалось не тронутое старением.

Генка медлил еще секунду. Одновременно с грохотом и треском падающей входной двери и облаком пыли, вырвавшимся из-под нее, он рванулся с места. Ступая на хлипкие половицы, бросился на кухню, распахнул окно и вскочил на подоконник. Прежде чем спрыгнуть на бетонный «козырек» над входом в подъезд обернулся. Тип, напоминающий утопленника, стоял в дверном проеме, выбитая дверь под его ногами превращалась в пыль, стена за спиной сочилась песком, хлопья побелки снегом сыпались с потолка и ложились ему на плечи.

Не рискуя более испытывать судьбу, Генка спрыгнул на «козырек», еще мгновение, и оказался на асфальте рядом с подъездом. Он побежал не оглядываясь, на ходу засунул телефон в задний карман джинсов. Бежал, пока хватало сил. Казалось, сердце не выдержит нагрузки и взорвется, словно перегретый паровой котел. Через два квартала, перешел на сбивчивый шаг. От усталости ноги налились свинцом и подгибались. Генка провел языком по шершавым сухим губам и осмотрелся. Узнал улицу Водников, ее пересекала улица Крупской, и если повернуть налево, то между домами можно увидеть Волгу. Ему захотелось к реке, выбраться из каменных

джунглей на свободное пространство, подставить лицо свежему бризу, чтобы тот сдул навязание и «прополоскал» мозги.

Глава №3

Генка стоял на пирсе, стеклянным, не мигающим взглядом смотрел на завораживающий танец солнечных бликов в серых волнах Волги. Тысячи искр, словно водяные жучки то собирались в стайки, то разлетались в стороны, кружились, вспыхивали и исчезали. Бесцельное лицезрение гипнотизирующего мерцания прервал звонок.

От неожиданности Генка вздрогнул, пестрая пелена спала с глаз. Вспомнил о телефоне в заднем кармане джинсов, в груди шевельнулось дурное предчувствие. Он медленно достал «перешитую» моторолу и несколько долгих секунд смотрел на светящийся экран. Черные цифры незнакомого номера, мерно пульсировали, словно указатель аварийного выхода. Генка не хотел, боялся, но вопреки воли, большой палец нажал на кнопку соединения. Из динамика донесся треск и шорох.

Что-то переменялось. Краем глаза справа от себя Генка заметил движение. Прежде чем успел повернуть голову и рассмотреть, чьи-то пальцы, словно клещи, вцепились в его левое запястье. От неожиданности, словно его кольнули иголкой в бок, он дернулся, резко повернул голову и сдавленно пискнул.

Рядом в пляшущем, расширяющемся вертикальном круге, зависшем в нескольких сантиметрах над набережной, стоял тот самый тип в черном шпиковском плаще. С его плеч сыпалась древесная труха и побелка, ладонь была холодная, влажная и до тошноты гладкая, словно дохлая рыба.

Парализованный страхом Генка не пытался вырваться, выпрыгивающими из орбит глазами смотрел в бледное лицо. «Утопленник» резко дернул его в круг. От рывка Генку развернуло, он сделал неуклюжий шаг вперед, потерял равновесие и сорвался с парапета. Он висел на руке типа. Несколько секунд «утопленник» балансировал на краю, удерживая равновесие. Хотя ростом был меньше жертвы на голову, силой обладал дюжей.

В Генкино запястье вцепилась вторая «клешня», и к своему удивлению он пополз вверх. Тип вытягивал его, медленно, отходя назад.

Муханов не мог оторвать взгляд от лица незнакомца: мертвенно бледная, одутловатая физиономия с синюшными пятнами на скулах и шее, с водянистыми глазами навывкате. Безгубый рот – щель на бледной коже казался расползающейся резаной раной, грязные волосы прилипли ко лбу черными водорослями.

От переживаемого шока Генка не чувствовал боли, не находил сил к сопротивлению, висел на руке, словно огромная тряпичная кукла.

Тип почти вытянул Генку, когда его голова слегка кивнула. Штырь, толщиной с мизинец вышел под прямым углом из мертвенно-бледного лба над правым рыбьим глазом.

Утопленник на миг замер, качнулся, по его лбу потекла черная струйка, словно изо лба быстро рос толстый волос. Тип сделал неуверенный шаг вперед, еще один, и повалился.

С пятиметровой высоты Генка рухнул не в прохладные волны Волги, как ожидал, а в жидкую грязь и стал погружаться в темно-серую квашню. Спеленатый страхом и ужасом, с выпученными глазами, вертел головой по сторонам, не осознавая происходящего.

Тип лежал неподвижно ничком в грязь на расстоянии вытянутой руки. Плащ на его спине вздулся пузырем, а из затылка торчал тонкий металлический прут. Он продолжал сжимать мертвой хваткой Генкино запястье.

С падением все вокруг изменилось. День померк. Голубое небо задернулось серыми рваными лохмотьями облаков, солнце скрылось, моросил нудный дождь, воняло тиной и кислятиной. Волга исчезла. То тут, то там, уродливыми скульптурами, возвышался над донной топью затонувший хлам, облепленный водорослями. Поля зеленой плесени пленкой покрывали жид-

кую гать. Весь мир окрасился в серо-черные тона, словно на стекло, через которое смотрел Генка, выплеснули помой.

Он медленно погружался в топь, не предпринимал попыток спастись, только вертел головой по сторонам, нереальность происходящего и пожирающий ужас лишили способностей соображать и действовать.

Вдруг, слева, что-то громко хлопнуло и его окатил фонтан грязи. Генка вздрогнул, часто заморгал и повернул голову. Возле плеча лежала широкая доска.

Непонимающим взглядом он уставился на шершавую поверхность с трещинами, забрызганную серыми каплями. Жижя тем временем подобралась к груди, труднее становилось дышать.

Громкий нетерпеливый шепот донесся откуда-то слева. Генка устремил в ту сторону взор. В сумерках на каменной стене причала выделялось темное круглое пятно. «Оттуда», – подумал Генка. Он слышал звуки, но совершенно не понимал их смысла. Тем временем топь постепенно проглатывала его и уже подбиралась к плечам.

Из темноты снова донеслось шипение. Затем послышалось нетерпеливое постукивание чего-то твердого по дереву. Генка, шурился, вглядываясь в черное пятно.

– Сволочь, хватайся, – прозвучал громкий раздраженный голос. Через мгновение от стены отделилась тень. Пригибаясь, балансируя руками, часто переступая, человеческий силуэт быстро двигался по доске к нему. По мере приближения незнакомец проявлялся, превращаясь в реальный образ.

Генка продолжал оставаться пассивным наблюдателем и даже тогда, когда небритая физиономия склонилась над ним и что-то стала громко отрывисто шептать, протягивая в его сторону руку. Без интереса он смотрел на суровое мужественное лицо, на мерцающие искорки в глазах, на голые мускулистые руки, на грубую одежду, накинутую на плечи как пончо и стянутую на поясе.

Крепкая пощечина немного привела Генку в чувства. Сознание стало проясняться и до него стали доходить слова незнакомца.

– ...хватайся, давай, придурок. Чтoб тебя, – мужчина тряс перед его носом раскрытой ладонью.

Не дождавшись, встречного движения, он склонился, ухватил парня за воротник футболки и с силой потянул на себя, балансируя на доске. Над головой Генка слышал натужное кряхтение, проймы впились в подмышечные впадины, его тянули, а он смотрел, как доска под ногами незнакомца медленно вдавливаются в жижу. Вот грубые, высокие ботинки до щиколоток скрыла серая грязь, вот она уже заливается через прорезь «язычка»....

Мужчина энергично тянул и одновременно с опаской смотрел по сторонам. Скоро Генка почувствовал свободу, словно вспороли шнуровку тугого корсета и он смог вдохнуть полной грудью. Нечаянный спаситель продолжал его вытаскивать из топи.

В какой-то момент давление ослабло. Генка с вопросом и мольбой поднял глаза. Повернувшись в пол-оборота, незнакомец, что-то вытаскивал из-за пояса. Миг, и рука взметнулась вверх, сжимая нечто, напоминающее кривую палку. В первое мгновение Генка подумал, что сейчас она с оглушительным треском обрушится на его макушку. Втянул голову в плечи и зажмурился.

Вдруг правая рука, все время сжимаемая «утопленником», словно этот недуг знаком ему с детства, получила свободу. Генка открыл глаза и обернулся. Отрубленная кисть «утопленника» болталась на его запястье, как уродливый нарост. От такой картины Генку передернуло,

по коже пробежал озноб, он скривил жалостливую физиономию и простонал что-то не членораздельное.

Сильный рывок, еще рывок, швы затрещали. Генка ощутил, что оказался на поверхности и скользит на спине по грязи. На лицо, на глаза, на руки падали прохладные капли дождя.

Он повернул голову и увидел изъеденную сколами линию набережной, серый мрачный камень, зияющую провалами кованую ограду.

Существо появилось на пирсе внезапно. Оно было размером с ротвейлера и быстро двигалось. Массивную голову венчали узкие длинные уши. Они стояли торчком, находились близко друг к другу, и сначала показались Генке рожками.

Голова, с жабьим подбородком, с выступающей вперед огромной челюстью, минуя шею, сразу перетекала в мускулистый торс. Генку уже затаскивали в проем, когда он заметил, еще несколько подобных существ у края набережной. Они нервно суетились, то и дело замирали, куда-то всматривались.

Незнакомец грубо схватил его под руки, одним рывком втянул внутрь трубы, бросил на шероховатый холодный бетон и опустился рядом. В полумраке коллектора трудно было что разглядеть, зато отчетливо слышалось тяжелое и сиплое дыхание спасителя. Несколько минут они прибывали в полной тишине, только вдох и выдох, вдох и выдох...

Генка не заметил ту грань, когда стал постепенно приходить в себя и осознавать невероятную пугающую действительность. До его слуха донеслось далекое завывание.

– Ты, парень, главное не бзди, – вдох, – все нормально. Я тебе потом объясню, – вдох. – Главное запомни, здесь нельзя бояться, иначе нас засекут, – снова вдох. – Некоторое время, пока не пропитаешься, на тебя это действовать не будет, но все равно не очкуй, – опять вдох.

– Ты врубаешься о чем я говорю?

Шепот слышался рядом. Человеческая речь оказалась тем уступом, за который зацепилось истерзанное сознание Генки, соскальзывающее по гладкому склону страха и растерянности в пропасть безумия.

– Не совсем, – прошептал Генка. Он без предупреждения перенял манеру разговора незнакомца. Скрытность и осторожность мужчины передались и ему.

– Ну и ладненько. Все остальное расскажу по ходу. Надо поскорей отсюда дергать, – незнакомец еще не отдышался и воздух с шумом вырывался из груди.

– Идти можешь?

– Попробую.

Генка попытался встать. Его кроссовки, перепачканные в глине, проскользнули, и он упал на спину.

– Черт, – громко вскрикнул Генка. Он держал перед собой правую руку с вцепившейся в запястье отрубленной кистью утопленника. Только сейчас, когда упал, почувствовал некое неудобство.левой рукой он вцепился в склизкий обрубок и изо всех сил пытался его отодрать.

– Тише, придурок, – зло зашипел незнакомец. Его ладонь, перепачканная в грязи, легла ему на рот.

– Чувак, у них еще и слух изумительный. Будешь орать, сдохнешь. Втыкаешь?

Не имея возможности ответить, Генка закивал головой. Рука, пахнувшая тинной, отлепилась от его губ.

– У меня это, – Генка тихо простонал и вытянул вперед правую руку.

– Что это? – резкий шепот ковырнул темноту.

– Рука...

Генка едва не ныл. По всей видимости, мужчина уловил опасные нотки в его голосе.

– Блин, – с досадой процедил он, – что не можешь потерпеть? Что ты как, девка? Давай сюда.

Он обхватил крепкими пальцами протянутую руку. В какой-то момент Генке показалось, что спаситель, не мудрствуя лукаво, отрубил и его кисть тоже, к чертям собачьим. Несколько минут незнакомец ковырялся с «наследием» утопленника. Время от времени Генка приглушенно вскрикивал от боли, когда острый предмет в руке мужчины царапал кожу. Палец за пальцем мертвая хватка ослабевала. Наконец, Генка почувствовал себя свободным от «обязательств» перед умершим. Долго левой рукой растирал затекшее запястье.

– Теперь тихо встаем, ничего не боимся и идем за мной. Понял, телка?

Генка закивал головой.

– Не слышу.

– Да, – поспешил ответить он.

Они шли по покатоному, неудобному для ходьбы дну коллектора. Иногда незнакомец останавливался и ждал Генку. Согнувшись, едва не задевая затылком свод трубы, Муханов медленно передвигал ногами. Он не мог окончательно прийти в себя и осознать происходящее с ним в полной мере. В голове роилась тысяча вопросов, на которые не терпелось получить ответы. Его разум постоянно срывался с грани реальности в бредовые топи. То и дело он ставил под сомнение ощущения от прикосновений ладоней к шероховатой холодной поверхности бетонной трубы, черноту, которая застлала глаза, тихие шаги впереди.

Порой казалось, что все это – сон. Сейчас откроит глаза, и кошмар растает, как утренний туман в лощинах под лучами солнца. Генка несколько раз крепко зажмурился, а затем широко открывал глаза в надежде увидеть свою съемную квартиру, выцветшие обои, обшарпанную стенку шкафа, пятно на потолке, напоминающее козлиную голову.

Но каждый раз видел одно и то же – бесконечную черноту. Он вздрагивал, и чтобы как – то определить себя в пространстве оборачивался назад, где вдалеке за спиной мерцал серый пятячок уходящего дня.

Глава №4

От длительной ходьбы в наклоне у Генки разболелась спина. Поясница ныла, словно по ней хорошо прошлись ремнем. Бедрa налились свинцовой тяжестью. В короткие привалы, разминая поясницу и ноги, он пытался выведать у незнакомца какую-нибудь информацию о месте, где оказался. Спаситель каждый раз пресекал его попытки предостерегающим, – «Ш-ш-ш» и он умолкал. Тяжелое дыхание и эхо капли заполняли черную тишину.

Генка пытался не отставать от шаркающих впереди шагов, в мыслях выстраивая более-менее уравновешенную архитектуру обоснования происшедшего. Начал он с конца. Последнее, что вспомнилось: сумерки, дождь, еще, бездомные собаки, кои в большом количестве бегают возле порта. Изменения происшедшие с квартирой, погодой, рекой и появлением утопленника он склонялся отнести в упрек своему психическому здоровью.

Он ковырялся в голове, пытаясь вспомнить события последних недель, студенческие вечеринки, тусовки: все выискивал момент, кода съел, курнул или выпил нечто, что вызвало такие катастрофические последствия.

Перед внутренним взором мелькали, пивные бутылки, банки, сигареты, лица... Генка остановился на Артеме. Он, пожалуй, один в их компании кто баловался травкой. Но, как не старался восстановить до мельчайших подробностей их отношения, ничего, что помогло бы вызвать подозрение или хотя бы намекнуть на употребление дури, в памяти не воскрешалось.

«Возможно, – Генка выстраивал версию, – под воздействием наркотика, непонятно каким образом попавшего в мой организм, у меня поехала крыша. Галлюцинации, которые начались ночью, продолжились чуть позже – утром. Со страха я выскочил из окна, добежал до пристани, там слетел с пирса. По великой случайности рядом оказался портовый рабочий, чистивший коллектор, он меня и спас. Этот мужик сейчас меня выводит по трубе наружу. Все объяснимо, – воспарял духом Генка, – надо только пошевелить мозгами. Не стоит ли заговорить с работягой, кстати, внешность его наверняка другая, чем нарисовало мое больное воображение, и выяснить подробности?».

Едва он открыл рот, как налетел на остановившегося спасителя.

– Тихо. Куда летишь? Держи дистанцию.

Генка отпрянул. Мужчина стоял и что-то двигал над головой. Глухой металлический скрежет наталкивал на мысль, что это чугунная крышка канализационного люка.

Болезненный серый свет пролился в коллектор. Рабочий уцепился руками за края чугунного кольца, подпрыгнул и в следующий миг перед лицом Генки мелькнули грубые ботинки на толстой подошве перепачканные илом.

При бледном сумеречном свете его версия посыпалась, как пепел с кончика сигареты. Лохмотья рабочего вовсе не походили на спецодежду. Еще эти ботинки... Генка засомневался, что уровень бедности отечественного пролетариата настолько низок.

Муханов с опаской, словно черепах из панциря, высунул голову из чугунного люка и осмотрелся. Сгустившиеся сумерки щадили его запутавшееся сознание. Толком ничего нельзя было разглядеть. Противная морось заставили его поежиться, руки покрылись гусиной кожей.

– Давай, вылезай, – услышал он сверху настойчивый шепот спасителя.

Сбитый с толка Генка поспешил выбраться наружу. Получалось суетливо и неуклюже. С первой попытки ему это сделать не удалось. С тяжелым вздохом незнакомец наклонился и протянул перепачканную грязью ладонь. Муханов вцепился в нее обеими руками. Одним рывком тот вытянула его из бетонной кишки.

– Слушай сюда. Быстрехонько крутим ягодицами и главное, ничего не боимся. Ни-че-го-не-бо-им-ся, – по слогам повторил мужчина, глядя прямо Генке в Глаза. Иди за мной и не отставай, – шептал незнакомец в пончо с кривым ятаганом за поясом. Муханов успел рассмотреть оружие, которым, по всей вероятности, тот перерубал кости утопленнику.

– Еще помни – ни слова. Пикнешь, – мужчина проследил взгляд Генки и остановился на своем ятагане, – язык отрежу.

Генка поднял глаза, щеки его вспыхнули. Он уставился на незнакомца, стараясь определить, насколько серьезна его угроза.

– Усек?

Генка энергично закивал.

– Тогда в путь, дорогуша, и не вздумай отстать.

Мужчина развернулся и, пригибаясь, мелкой рысью побежал к зданию, которое выделялось черным силуэтом на сером небе. Генка не сразу обратил внимание, что в доме и вообще в округе, насколько хватало глаз, нет света, сплошная серость и чернота.

Он вертел головой по сторонам и в тоже время старался не отставать от ведущего. Даже в темноте надвигающейся ночи кое – что приоткрывалось его взору и заставляло одновременно удивляться и ужасаться.

Возникло ощущение, что он вернулся во времени назад, лет на пятьдесят, когда город лежал в руинах после гитлеровских бомбежек. Мимо проплывали полуразрушенные здания, искореженные металлоконструкции, взломанный и потрескавшийся асфальт, пни, торчащие из земли, словно осколки гнилых зубов, растянутые пружины алюминиевых проводов.

Незнакомец уверенно вел Генку, петляя между развалин, вдоль покосившихся сараев, по тесным заваленным битым кирпичом и прочим строительным мусором задворкам. Минут через пятнадцать они спустились в подвал трехэтажного здания, долго петляли в темном лабиринте, прежде чем снова выбрались наверх.

Мужчина подал знак «остановиться». У выхода из здания Генка видел его черный смутный силуэт в дверном проеме, согнутую в локте руку и поднятое вверх предплечье. Спустя несколько секунд тот махнул, показывая, что можно двигаться. Они вышли в беззвездную ночь. Где-то рядом, буквально за углом послышался жуткий вой. Существо, издающее его, то ли задышалось, то ли захлебывалось. Звук вырывался из глотки булькающий и прерывистый. Генка вздрогнул и в страхе дернулся вперед, наступая на пятки поводырю.

– Ой, – Генка споткнулся и хотел извиниться, – про..., – начал он.

– Закрой пасть, – грубо пресек его незнакомец. Минуту они стояли на месте в напряженном молчании и прислушивались к звукам ночи.

Генка не видел, но слышал, как рядом что-то пробежало. Слышал, как когтистые лапы скребут асфальт и тяжелое сиплое дыхание. Невидимый хищный галоп скоро стих во мраке. Генка присел, стараясь быть как можно не заметнее. Может, это было бы и не так страшно, но в совокупности с булькающим завываниями, напряжением и настороженностью проводника, собака выростала до размеров лошади и приобретала внешность свирепого монстра.

Наконец, мужчина шепнул, – идем, – и они осторожней, чем прежде, продолжили красться в ночи. Запомнить дорогу с множеством поворотов и изгибов Генке не удалось, в память врезался только последний участок, когда они, обогнув мусорные контейнеры, нырнули в чернеющий пролом в стене. Поднялись на третий этаж пятиэтажки, прошли длинный коридор и вышли к краю обвалившейся стены.

– Подожди здесь, – шепнул незнакомец и растаял в темноте. Генке совсем не хотелось ждать и тем более оставаться одному в этом кошмаре, но перечить не решился.

Незнакомец появился через несколько минут, в руках держал длинную широкую доску. Он подошел к краю пролома и перекинул ее на другое здание.

– Пойдешь следом за мной, когда услышишь такой свист.

Мужчина продемонстрировал тихий шипящий свист, который можно было спутать с шумом сильного ветра. Не дожидаясь подтверждения, он повернулся, и осторожно ступая, двинулся по хлипкому мостку.

Прошла вечность, прежде чем Генка расслышал знакомый свист. Он поспешно встал на четвереньки, цепляясь руками за края, пополз по шершавой пружинистой доске. В темноте внизу, кто-то пробежал, царапая асфальт. Генку успокаивала мысль, что перед ним проверил на прочность переправу мужчина куда крупнее комплекции, чем он.

Доска показалась невероятно длинной, на много длиннее чем в руках у незнакомца.

Черная дыра возникла неожиданно. Это был узкий пролом в торце деревянной кровли. В нос ударила смесь из запахов сухой древесины, пыли и тлена. Генка поспешно слез с доски и встал на что-то мягкое, как оказалось впоследствии, на опилки.

– Уже на месте? – с надеждой прошептал он.

Игнорируя вопрос, незнакомец отодвинул Муханова в сторону и втянул доску внутрь чердака.

– Осторожно голову, здесь низкие стропила. Поднимай ноги выше и тогда не споткнешься о балки.

По тону и тембру голоса Генка догадался, что опасность миновала, и это, то самое укромное место, о котором он так давно мечтал. Чердак и, правда, внушал некую безопасность и скрытность. Они на ощупь прошли, перешагивая через бревна, нагибаясь под стропилами примерно двадцать метров. Впереди Генка расслышал тихий скрип и через несколько секунд шагнул в квадратный низкий проем.

– Все паря, мы на месте.

За спиной снова скрипнула дверь, некоторое время незнакомец еще возился с ней. Затем раздался чирк, робкое пламя от зажигалки желтыми мазками обозначило непонятные формы и очертания. Незнакомец запалил фитиль, керосинка озарила комнату.

Взору Генки предстали деревянные наспех сколоченные стены из разноразмерных досок, кусков фанеры, оргалита, и прочего хлама, тощий матрас на дощатом полу, скомканное шерстяное одеяло, старая тумбочка с замысловатым резным узором в углу, допотопная керосиновая лампа без стеклянного горлышка на ней, пара деревянных ящиков, куча ржавого хлама.

– Чувствуй себя как дома, бедолага.

Мужчина позволил себе расслабиться – едва улыбнулся одними кончиками губ, указал Генке взглядом на ящик.

– Садись туда, тебя, как звать, дорогуша?

– Гена.

– Раздевайся, Гена.

Муханов насторожился.

– Зачем это?

Он обернулся и посмотрел на дверь. Узкий проем закрывало грубое полотно, именно с ним мужчина возился, затыкая края в щели. Массивная доска подпирала вход изнутри.

– Посмотри, на кого ты похож.

Казалось, незнакомец прочитал в голосе парня недоверие, и его улыбка растянулась шире. Он наклонился к тумбочке, взял с крышки осколок зеркала и протянул Генке. Муханов посмотрел на себя. Лицо покрывало множество черных «мушек», волосы с левой стороны у виска слиплись под серой грязевой нашлапкой. Генка отвел в сторону руку с зеркалом и прошелся по себе пристальным взглядом. С ног до головы он был покрыт подсохшей серой коркой.

– Выверни футболку, оботри лицо и руки. Разденешься, завернись в одеяло и ложись на матрас, я тут устроюсь. И давай спать. Все вопросы завтра.

Мужчина задул фитиль.

Глава №5

Генка долго не мог заснуть. Слушал беспокойную ночь, наводненную странными, жуткими звуками, не заметил, как соскользнул в сон. Постоянно убежал от типа в черном плаще, падал в грязевую жижу, тонул и снова бежал.

– Подъем, – расслышал Генка совсем близко. Утопленник все – таки его настиг. Через секунду тип схватил его за плечо и затряс, – «вставай». Муханов застонал и попытался вырваться.

– Генка, поднимайся, – «откуда он знает мое имя?», – Генка взвыл и дернулся, пытаясь высвободить плечо. «Он все про меня знает. Он следил за мной». Цепкие пальцы соскользнули. Генка истово работал локтями, тяжело дышал, и мчался к пристани.

Крепкие похлопывания по щекам, наконец, вырвали его из цепких объятий Морфея. Он с трудом сел, привалившись к стене, и часто заморгал. То свет, то тьма, то сон, то явь. Генке не удавалось окончательно сбросить паутину сна.

– Дамочка, ни как не проснется?

В голосе слышалась насмешка. Генка с трудом сфокусировался на небритой физиономии спасителя.

– Ку-ку. «Точно не утопленник». Генка, наконец, понял, что кошмарный сон всего лишь остался сном. Почувствовал облегчение и обвел комнату мутным взглядом. Вспомнил, где находится, вспомнил мужчину, стоящего перед собой с голым торсом и небритой физиономией.

– Ням – ням будим?

– Да, – пробурчал Генка. Неуместная ирония незнакомца задевала его. И без шпилек спасителя чувствовал себя мерзко. Память все еще несла на себе отпечаток кошмарного сна, убогая обстановка и приключившаяся с ним присквернейшая история просто изничтожали его.

– Меня звать Павлом. Ты, можешь звать Пашка, Павлуха, Павлик, Павлушенька, Павлюченций, в прочем, как будет удобнее, мне пофиг. Сейчас приведем себя в порядок, немного перекусим, потом введу тебя в курс дела, и лучше бы ты приготовился к худшему.

Генка продолжал сидеть на матрасе, кутаться в жесткое шерстяное одеяло, от которого пахло гнилью и осматриваться. Бледный свет из узкого окошка под коньком едва освещал комнатушку. Все предметы казались серыми, заселившиеся густые черные тени в углах скрадывали пространство. Ему жутко захотелось покурить, но спросить не решался.

Только сейчас заметил, что мужчина держит в правой руке короткий нож. Он не доверял ему, поэтому острые предметы в чужих руках вызывали опасение и страх. Павел отвернулся, взял с тумбочки осколок зеркала, приподнял подбородок и стал скрести лезвием клинка по шее. Генку передернуло. Он тоже брился и мог представить, как это противно на «сухую» скоблить кожу, и как она потом будет гореть. Генка тяжело вздохнул.

– Не дрейфь, чувак, прорвемся.

Павел не понял, по какому поводу тот вздыхает, но все равно, его слова привнесли в настроение Генки толику оптимизма.

Чтобы чем-то занять руки Генка принялся отколупывать засохшую грязь со своей одежды.

– Где я оказался? – спросил он.

– Главное запомни, ты не там где был раньше, – отвечал Павел, продолжая бриться, – это мир плесени и разрушения. Он наша ужасная изнанка, существует параллельно и причем за наш счет. Все, что я тебе сейчас говорю, не идет ни в какое сравнение с тем, что ты скоро увидишь. Вот только добреюшь и перекусим.

К тому моменту, когда Павел закончил бриться, Генка очистил от грязевой коросты футболку на животе и правом боку, рассмотрел коморку в подробностях и к сожалению ни где не увидел сигарет. Хозяин жилища сделал шаг в его сторону, наклонился и запустил руку в тумбочку. Воспользовавшись моментом, Генка рассмотрел Павла. Тот был вовсе не атлетом, как показался вчера в просторном пончо, а в меру мускулистым и поджарым, мышцы перекачивались под белой кожей.

– Вот, наша пайка. Держи, солдатик.

Павел повернулся и кинул Генке жестяную банку без этикетки. Генка неловко поймал ее и стал рассматривать. Железо под ободком окислилось, и начало ржаветь, вся поверхность цилиндра оказалась в окисловых разводах.

– Есть надо быстро, иначе содержимое стухнет. Здесь, – Павел, играя ножом, взглядом обвел комнату, – все киснет моментально.

Генка догадался, что спаситель имел в виду не свою тесную коморку, а мир, в котором он оказался.

– Содержимое банки надо сразу вытряхивать в рот, как только ее вскрою. Тебе придется поверить мне на слово, что это тушенка и она вкусная. На все про все секунд сорок – пятьдесят: вытрясти, пережевать и если повезет еще раз вытрясти, и еще раз пережевать, потом можно выбрасывать остатки. Если умнешь половину банки – молоток. Я обычно обедаю одной, двумя вот такими «гранатами», – он подкинул консервы и поймал.

– Поэтому вилки, ножички, тарелки, салфетки и прочая ерунда нам не нужны. Берешь и трясешь.

Он закинул голову, поднял банку и стел ее лихорадочно трясти, имитируя прием пищи.

– Зачем спешить? – удивился Генка, его рот изогнула кривая недоверчивая улыбка.

– Затем. Я же сказал, стухнет.

– Так быстро? – глаза парня округлились.

– Быстрее даже чем думаешь. Конечно, если хочешь травануться и потом измучить свою задницу дрсней, дело твое.

Павел стоял напротив и Генка мог рассмотреть его лицо. Он был моложе, чем показался вчера в темноте с густой щетиной, и глаза вовсе не злые, не холодные пуговицы тирана. Это было вполне человеческое лицо, открытое, немного насмешливое с живыми глазами. Стрижка под «горшок», скорее всего вышедшая из – под того же инструмента, что и гладкий подбородок, придавала образу брутальности и деревенщины.

– Давай свою банку.

Генка передал консервы. В его животе предательски заурчало.

– А-а, зверюга рычит в берлоги, – прокомментировал Павел. Одним коротким, резким движением он всадил лезвие в жестяную крышку и начел быстро ее вскрывать.

– Держи.

Павел передал вскрытые консервы Генке. Муханов взял и с опаской заглянул внутрь.

– Жри давай, – гаркнул Павел.

Генка зажмурил глаза, закинул голову назад, и принялся вытрясать содержимое металлического цилиндра себе в рот. То ли он не так энергично тряс, то ли кусок оказался большим, содержимое не желало покидать банку. Он почувствовал легкий удар по донцу и кусок тушенки упал ему в раскрытый рот.

– Быстрее жуй, – подгонял Павел.

Генка опустил банку и принялся энергично пережевывать мясо, тушенка на самом деле оказалась вкусной и жирной. Проглотив кусок, он снова закинул голову и собрался повторить, но его руку перехватил Павел.

– Посмотри, что ты собираешься съесть.

Генка с интересом заглянул внутрь. Прямо на глазах студенистая жижа и куски мяса покрывались зеленоватой плесенью. Бледно зеленые цветки рассыпались точками и затем распускались, пока не покрыли все содержимое консервы. В нос ударил противный запах тухлого мяса.

– Все, остальное можно выкидывать.

– Офигеть, – прошептал Генка.

– Рот закрой и жуй молча, а то можешь лишиться и последнего.

Муханов жевал молча, вытаращив глаза, на ухмыляющегося мужчину.

– Так мы долго будем перекусывать: один кусок – одна банка. Расточительно. Сейчас продемонстрирую. Смотри и учись.

Павел поставил на тумбу новую банку и так же ловко и быстро вскрыл, как и первую, отбросил крышку и стал быстро вытрясать содержимое. С хлопанием большой кусок вывалился из банки прямо ему в рот. Другой кусок, поменьше упал на щеку и пополз вниз, оставляя жирный след. Тонкой стружкой жир вытекал из банки ему на подбородок.

Павел резко опустил руку с консервами, предплечьем вытер губы, и не обращая внимание на растекающийся по лицу жир и кусочек мяса стал быстро пережевывать пищу. Не прошло и десяти секунд, как он сделал большой глоток, затем снова закинул голову и затряс банку.

Генка перестал жевать и уставился на Павла. Казалось, тот глотает целиком кусок мяса размером с кулак. Муханов знал, что есть шпагоглотатели, но они и рядом не стояли с известным ему консервоглотателем.

– Тренировка и еще раз тренировка, – спустя минуту довольный Павел вытирал тыльной стороной ладони жирные блестящие губы. Его банка была пуста.

Из второй консервы Муханову досталось чуть больше чем из первой. При очередной попытке откусить кусок почувствовал во рту гнилостный привкус. Пришлось все выплюнуть. На третьей он отбросил все приличия и опасения, так же, как наставник закинул голову, и резко тряханул банку. С горем пополам насытился.

Пока Генка пережевывал мясо, Павел облачился в свое пончо и расцехлил дверь.

– Пойдем в свет, красави..., – спаситель осекся, поймав на себе недобрый взгляд, – я хотел сказать красавчик. Именно, красавчик. Что так смотришь?

– Ничего, – буркнул Генка встал и направился к двери.

– Не высывайся и не подходи близко.

Они стояли в полумраке чердака, через запыленное окно Генка с ужасом взирал на свой город. Насколько хватало глаз, все кругом было разрушено, покорежено и безлюдно. Грязное серое небо до горизонта. Тоска и уныние. Генка стоял на балке, вытянув шею, и пытался заглянуть за край перекошенной рамы.

– А где люди? – прошептал он. Не дожидаясь ответа, соскочил с балки и по пружинящему слежалому слою опилок побежал к другому узкому окошку. Павел кинулся за ним. Но Генка уже вцепился руками в узкий подоконник, прилип лбом к грязному стеклу и скосил глаза вниз. Он успел разглядеть существо с темно-серой кожей, с уродскими коротенькими задними, словно вывернутыми ногами. Оно шло по взломанному асфальту между куч мусора, периодически останавливалось и вращало головой.

– Я же тебе говорил, не подходить к окнам, тупица.

Павел резко отдернул парня за локоть. Генка сделал шаг назад, споткнулся о балку, взмахнул руками и упал навзничь. Было не больно, мягкий ковер из целюлозы смягчил удар. Генка лежал на спине, вытаращив глаза на мужчину. Глаза того холодом мерцали в полумраке, желваки перекатывались буграми на его скулах.

– Ты это зачем? – проговорил Генка.

– За тем. Я месяц искал подходящее место, менял одно за другим. Стоит им заметить, и уже не отвязутся. Чтобы избежать впредь, подобные выходы, пожалуй, тебе надо кое – что знать. Поднимайся и пошли в комнату.

Он подал руку. Генка секунду колебался, затем ухватился. Рывком Павел поднял его с опилок. В очередной раз Муханов удивился его силе. В сознание парня он незаметно трансформировался из образа сурового дядьки, «портового рабочего» в старшего товарища. На взгляд их разница в возрасте была не большая, вовсе не обязывающая называть Павла на «вы». Но внутренне Генка сознавал, что тот сильнее и опытнее, в этом мире он его техник и проводник. Павел спас его, и это было главное.

Проходя мимо очищенного от опилок деревянного квадрата на полу, приблизительно семьдесят на семьдесят сантиметров с железной ручкой, Генка догадался, что это люк, но спрашивать не стал. Они зашли в каморку, Павел задернул дверь пологом. Узкое окошко под самой крышей слабо освещало тесное убогое помещение.

– Я сверхсрочник, – начал Павел, прислонившись к стене, и устремив рассеянный взгляд в окошко, – старлей, войска связи. Наш отряд базируется на той стороне Волги. Закончил училище в девяносто первом. Последний курс в путевой порадке – цвета морской волны, в глаженных сапогах, с «бычьим глазом» на груди. Да, в путевой, – повторил он с грустью. Сел на тумбу и затем продолжил.

– Родом из Дмитрова. После распределения попал в Навой. Часть сократили, меня перевели сюда. Семьи нет, снимал комнату неподалеку – в переулке Тургенева, возле метро «Самара» у дядьки Игната, кстати, работает в порту.

Генка хотел спросить, но Павел остановил его жестом.

– Все вопросы потом. Дослушай. Меня, как и тебя заарканил «Растворитель». Я их так называю. Они могут растворять миры и выдергивать людей. Не знаю, по какому принципу они выбирают жертву, но они это делают. Три месяца назад один из таких уродов зацапал меня прямо в «бунгало» – радиорелейная станция Р-419А, типа вагончика на базе ЗИЛа сто тридцать первого в камуфляжной росписи набитый аппаратурой.

Вечером я заступил на сутки дежурным. Хрень случилась около трех ночи. Я обошел территорию, проверил посты, личный состав и все такое. Оставил сержанта Таирова за старшего и пошел дрыхнуть. Не знаю, сколько было времени, но точно ночь. Со стеллажей вдруг посыпались блоки, с потолка свалился светильник, услышал хлопки лопнувших баллонов и шипение. ЗИЛ наклонился и я скатился с койки. Только поднялся на ноги, подо мной проломился пол. Дежурная лампа едва мерцала. Все вокруг стало, – он замялся, подыскивая нужное слово, – ну, что ли стареть.

Генка в знак согласия закивал головой.

– Я видел, как красная краска чернеет и сползает со стеклянного колпак дежурного освещения, затем решетка отвалилась и вместе с плафонам грохнулась на пол, патрон с лампой вывалился и повис на проводе. Мне на башку рухнула панель, из-под обшивки вывалились жгуты проводов. Лампа лопнула и свет погас. Я пытался высвободить ногу, когда меня сзади кто-то схватил за руку и с силой дернул. Дурак, – Павел печально ухмыльнулся, – подумал, что меня спасают, прибежали на шум и теперь все будет пучком.

Павел замолчал. С улицы донесся далекий грохот и скрежет.

– Не знаю, – Павел заговорил снова, на его лбу выступила испарина, – возможно, я бы и смылся, но нога застряла в щели. Смутно помню. . . . Все вокруг сыпалось и трещало. Чучело в черной шляпе выбил дверь и забрал меня. Он тащил за руку, словно зверь добычу. А я думал, что меня придавило, лежу в бунгало без сознания и вижу кошмар. Но нет, все происходило в натуре. Волочил по растрескавшемуся асфальту, по разрушенным улицам изнанки. Я все ляжки и спину ободрал.

Мне повезло. Под ногами бледнолицего урода провалился асфальт, наверное, прорвало трубы и почву вымыло. Чувак в шляпе грепнулся в яму. Он висел на моей руке и пытался выкарабкаться. Я немного очухался, стал кидать в него камни, куски кирпича, даже плевался. Мне подвернулся обломок доски, всмятку разбил мерзкую рожу деревяшкой, лишь, после того, как удалось загнать ему в глаз расщепленный конец, он отпустил меня.

Несколько дней я скрывался в подвале. Забился в угол и ждал, пока меня спасут, но никто не пришел. Голод выгнал меня на улицы. Я поймал и убил первое, что могло его утолить. Как это прозвучит не странно, трофеем оказалась кошка. Обыкновенная кошка с белыми пятнами. Мне даже не пришлось за ней гоняться, она оказалась домашней. Подманил ее «кыс, кыс, кыс». Она дурочка терлась о мою ногу и урчала, а я с палкой в руках размышлял, куда бы ей треснуть, чтобы убить сразу.

Короче, я ее того, ... освежевал и заднюю ногу съел сырой. Ночью у меня скрутило живот, словно проглотил не мясо, а битое стекло. Я все выbleвал, на утро хотел доесть остатки, но кошатина уже протухла.

Черты лица Павла заострились, на скулах вздулись бугры. Он вперил взгляд в стену и пока рассказывал, казалось, снова переживал дни своих страданий. Слушая его, Генка думал, что ему, черт побери, здорово повезло, не окажись Павла рядом, все могло быть по – другому.

– Да, – Павел тяжело вздохнул и опять замолчал.

– Что потом? – спустя несколько минут решил нарушить тишину Генка.

– Потом? Потом я стал присматриваться. Мне снова подфартило. Однажды ночью, когда делал очередную вылазку в поисках жратвы, набрел на музей, тот, что на Ленина. Там все это добро, – он кивнул головой на кучу металлолома в углу, – нашел. Музей это вообще отдельный разговор, к нему вернусь позже.

Город не пуст как могло показаться на первый взгляд, он населен. «Свиньи» – это, так сказать, их зауряды, или обыватели, без разницы, короче основное население. Они плохо слышат и зрение ни к черту, они передвигаются как беременные хрюшки. Я их так и зову «свиньи». Тебе придется, скоро с ними познакомится. Их не надо искать, стоит только разозлиться или хорошенько испугаться, они сами придут. Их везде навалом.

– Тогда почему ты меня постоянно затыкал, если они не слышат? – воскликнул Генка. Он вспомнил грязную ладонь на лице прикрывающую его рот, постоянное цыканье и прикладывание пальца к губам.

– Слышат другие. Куда более страшные и опасные твари. Они гончие, по моей квалификации «чмоки», у них здоровые, зубастые челюсти. Нижняя постоянно отвисает с чмокающим звуком, «чмок», «чмок». В отличии от поросят у них тонкий слух, острое зрение но совершенно нет нюха. Одна такая тварь как-то загнала меня в подвал, в кромешной темноте я вжался в стену и замер. Вспомнил всех святых и чертей вместе взятых. Она прошла мимо, слышал, как ее длинные когти скребут по бетону, буквально в метре от меня. Если бы у нее было чутье, то, наверняка, унюхала бы меня. Но она прошла, из чего я понял – они ни фидашки не улавливают носом. Но слух у них идеальный.

Павел печально ухмыльнулся.

– Давно ты здесь? – спросил Генка.

– Почти три месяца. И не знаю, как выбраться. Кажется, от сюда нет обратного пути, здесь можно только выживать. За все это время я не встретил ни одного человека. Хотя, – Павел задумался и пристально посмотрел на Муханова, – их вокруг полно, стоит только присмотреться и прислушаться. Я тебе покажу, пробную вылазку лучше делать ночью.

– А что это за типы, которые приходят за людьми?

– Думаю, они здесь вроде агентов сыска. За последнее время в этом районе встретил пятерых. Твой растворитель попадался чаще других. Поразмыслив, я смекнул, если уродец вертится здесь, то скоро произойдет так сказать выемка. Стал за ним присматривать. Кто их только

одевает? Ни вкуса, ни стиля. Пинкертоны блин, – Павел позволил себе лирическое отступление, – придурки жуткие. Когда он вошел в подъезд, а затем послышался треск, я понял, что он охотится. С того момента я больше не выпускал его из поля зрения. Он шел за тобой, а я шел за ним. Растворители видят нас из своего мира, а мы их нет. Тебе кажется, что убежал, все, оторвался, сидишь в шкафу под шмотками и думаешь, провел чувака, а он просто не торопится. Потом прожигает дыру, хватает тебя и выдергивает. А потом тащит. Так, тандемчиком, друг за дружкой мы вышли к набережной. Я видел тебя, вернее твой фантом, на причале, видел, как чучело в черном плаще подошел к тебе сзади. Именно подошел, они не подкрадываются, чувствуют, суки, себя здесь, как дома. Ни черта не боятся. Ситуацию усложняла стая чмоков, твари курсировали невдалеке. На свое счастье, ты остановился возле трубы коллектора. Через канализационный люк за водокачкой я спустился в трубу, и подобрался ближе, насколько было возможно. Последний люк оказался на дороге рядом с тротуаром, примерно в двадцати шагах от вас. Сильно сомневался, что с такого расстояния смогу попасть дротиком. Я ни чем не рисковал. В случае промаха, тихо бы опустил крышку и ушел по кишке вглубь порта. Но нам повезло. Пика вошла ему прямехонько в затылок. Я, конечно, тренировался, но до Робингуда мне далеко. Если в этом гребаном мире есть фортуна, то в тот момент именно она направляла мою руку.

Где-то поблизости рухнула стена, послышался грохот, звон бьющегося стекла, треск. Павел замолчал и прислушался. Воспользовавшись паузой, Генка спросил.

– Почему ты его не грохнул раньше? Ну, когда он шел за мной.

– Говорю тебе, стая чмоков.

– А не потому, что тебе было скучно одному в этой заднице? – Муханов сузил глаза.

– Не только по этому, – Павел не щадил Генку и не разубеждал его, – я хотел узнать почему именно ты, как они определяют свою жертву, что их интересует? Для того, чтобы вывести закономерность нужны прецеденты.

– Выходит, я – прецедент?

– Так точно.

– Ну и гад, ты.

Павел усмехнулся.

– Сволочь, – скрипел зубами Генка.

– Да пошел, ты.

Генка набычился и замолчал.

– Случилось, как случилось, что теперь сопли на кулак мотать, вместе будем выбираться.

Помочь человеку разве это плохо? Ты мне, я тебе, глядишь и выкарабкаемся.

Павел подсел к Генке и положил руку ему на плечо. Муханов резко скинул «мостик дружбы» и фыркнул.

– Ну и черт с тобой, – Павел встал, – все равно нам друг от друга деваться некуда, сегодня пофыркай, повыпендривайся вдоволь, а завтра за дело.

Глава №6

– Чмоки жрут свиней. Свиньи высасывают людскую злость, гнев, страх, и прочее отрицательное дерьмо. Они самая распространенная особь и самая безобидная для нас.

– Как ты это узнал?

– Что?

– Что они питаются злостью.

– Как, как? Сейчас увидишь. Пошли.

Генка лежал на животе рядом с Павлом и смотрел через щель в крыше на улицу. Он не сразу заметил две человеческие фигуры, на которые ему указывал Павел. Бледные фантомы шли по тротуару соседнего дома, создавалось впечатление, что прозрачные латексные формы наполнены сероватым дымом. Мужские фигуры отличались телосложением и ростом, тот, что повыше имел более концентрированный дымный цвет и вел себя активнее, размахивая руками. Судя по жестам и позам, они спорили или ругались.

Через несколько минут, после появления фантомов Генка заметил первую свинью. Она вылезала из узкого подвального окна, вздергивая головой, выгибая спину, отчаянно вытягивала свое грузное тело из узкого проема. Жирная, кожистая без волосяного покрова, на коротеньких ножках с массивной головой затрусилась следом за коконами. То, что Генка увидел дальше, не укладывалось в голове. Существо догнало спорщиков, уравнило скорости, открыла пасть, из которой выдвинулось нечто гибкое и розовое, очень похожее на хобот. Свинья проткнула им оболочку высокого кокона и стала его всасывать. До слуха Муханова донеслись булькающие, клокочущие звуки. Мужчины продолжали двигаться, и как ни в чем небывало спорили и размахивали руками. Из-за развалин выбежало еще одно существо с хоботом. Оно так торопилось, что не удержалось на кривых уродливых ножках на вираже и упало, противно пробулькало и неуклюже перевернулась через спину. Свинья не успела подняться, как в нее врезалась другая. Разобравшись, на всем своем уродливом скаку с резкими вскидываниями массивных голов твари устремились к мужчинам.

Спорщики остановились на пересечение улиц возле ржавого автомобиля, врезавшегося в светофор. Они продолжали беззвучный диалог, не замечая паразитов. Через несколько минут мужчин обступили существа с хоботками и их все прибывало. Твари лезли друг на друга, клокотали и сражались мерзкими розовыми отростками за место на оболочках. Некоторые из них поднимали короткие лысые хвосты и судорожно трясли ими. Генка смотрел во все глаза, замороженный диким пиршеством. Он понимал, что это не просто коконы, накаченные чем-то очень похожим на дым, а нечто другое, человеческое и живое. Мужчины то темнели, то становились прозрачнее и скоро от них ничего не осталось. Свиньи толкались на маленьком пяточке «вылизывая» остатки. Рядом неспешно пробежало другое существо похожее на то, которое описывал Павел. Генка узнал в нем «чмока», с огромной пастью и длинными ушами. Нижняя челюсть постоянно отваливалась оголяя кривой частокол острых и тонких, как игла зубов. Мускулистая тварь, чем-то напоминающая здорового ротвейлера, только с короткими кривыми задними лапами, как у стаффордширского бультерьера. С высоты третьего этажа когти на лапах страшилища Генка не рассмотрел, но и без этого уточнения существо выглядело очень угрожающе. Оно остановилось возле свиней, и внимательно осмотрело их. Затем не спеша и как-то нехотя подошло к крайней, обнюхало ее, потом другую, прошлось, огибая толчею, понюхал следующую. Свиньи не обращали ни малейшего внимания на зубастую тварь, продолжали толкаться на «останках» фантомов, резко вскидывать морды и утробно булькать.

Чмок остановил свой выбор на самой толстой особи. Он чуть дольше принюхивался к ней, чем к остальным. Генка хотел повернуться к Павлу и уличить его в обмане, – чмоки нюхают, значит, у них есть обоняние, но осекся. Он заметил некое шевеление на морде хищ-

ника. Присмотревшись, удалось разглядеть нечто, от чего волоски на затылке встали дыбом. Отростки с обеих сторон пасти, похожие на щупальца, мягко трогали и поглаживали, кожистый круп жирной туши.

Затем чмок разинул страшную пасть утыканную рядами острых зубов и впился в окорок свиньи. Генка скривил лицо в отвращение, готовый услышать душераздирающий визг, увидеть схватку, яростные попытки жертвы вырваться из костяного капкана, увидеть, как стадо бросится в ужасе в рассыпную. Ничего подобно не произошло. Потревоженное существо, лишь слегка дернулось вперед и продолжило сражаться с собратьями за дымные остатки. Чмок откусил приличный кусок и улегся рядом на асфальте у гнutoго светофора пережевывать свежее мясо. Картина потрясла Муханова. Тут же стояла свинья с вырванным куском и тут же зверюга ела ее плоть. Генка понял – свиньи не чувствуют боли. Рана кровоточила черным «соком». Чмок не успел прожевать и проглотить кусок, а ужасная рана стала затягиваться и черная, если это была кровь, перестала сочиться.

В глубоком потрясении Генка отполз от щели, и на четвереньках проскользнул в коморку. Он забился в угол, поджал ноги к груди и обхватил их руками. Неопределенный взгляд прыгал с предмета на предмет, он нервно покусывал нижнюю губу.

– Ну как тебе, наш новый мир?

Павел зашел в комнату, и запер за собой дверь. Генка не отвечал, слишком сильные переживания обуревали его.

– Ничего, скоро привыкнешь.

Павел прошел к ящику, сел напротив Генки и забарабанил пальцами по деревянной поверхности.

– У меня на Садовой мама с папой, – еле слышно прошептал парень.

– Тут случается и не такое. Конечно, неприятно, мерзко, противно, но нам жить среди них, и чем больше будем знать, тем дольше протянем. Сегодня никуда не пойдём. Слышишь? – он наклонился к Генке, заглядывая в его печальные глаза, – до завтра посидим здесь.

– Здесь, – прошептал Муханов.

– Да, здесь. Поедим и ляжем спать. Пить хочешь?

Генка помотал головой. Свет из узкого окошка под потолком тускнел. Внизу послышался треск и грохот, Муханов вздрогнул и резко поднял голову, устремив тревожный взгляд на дверь.

– Все нормально. Просто рушатся стены. Здесь все постепенно дряхлеет и рушится. Через неделю – две придется искать другое место. Главное не прозевать момент, когда балки сгниют нафиг. Я тебе уже говорил, старое здесь стареет медленнее нового, – он усмехнулся, – оно уже старье.

Генка отказался от еды, улегся, накрылся с головой жестким шерстяным одеялом и отвернулся к стене. Он не переставал думать о своих родителях. Его бросало в жар при мысли, что существа с хоботками, могут подобраться к ним. Завтра. Непременно завтра он уговорит Павла отвести его на старую квартиру. Он хочет увидеть мать и отца, и лично убедиться, что с ними все в порядке.

Жуткая ночь с завываниями и булькающим лаям тянулась целую вечность. Генка вскочил весь мокрый от пота, в ужасе озираясь по сторонам. Ему снилось, что его облепили свиньи и высасывают внутренности, как паук муху.

– Воды глотни, – донесся из темноты голос Павла, – кувшин возле тебя на полу, не сбей.

Генка повернулся на голос. Красный уголек тлеющей самокрутки в темноте, обозначил место нахождения Павла.

Минуту Муханов хлопал веками и приходил в чувства. Затем протянул руку и стал шарить по пыльному полу. Вскоре его ладонь натолкнулась на гладкий, железный бок. С жадностью он сделал несколько больших глотков застоялой воды с привкусом цемента.

– Свины домогаются? – послышался равнодушный голос из темноты. Не дождавшись ответа, Павел продолжил, – мне тоже по началу телки ни как в голову не лезли. Как не старался думать о прекрасном, все поросятки с хоботками являлись. Думал, с ума сойду.

– Да, – выдохнул Генка, вытер жестким одеялом пот со лба, одряхлевшая ткань затрещала.

– Черт, – просипел Муханов и сел, прислонившись спиной к доскам. Он не видел старшего товарища, и ориентировался по огоньку. Красный уголек плясал то вверх, то вниз, то разгорался, то угасал. Генка не отрывал от него взгляда.

– Дай покурить.

– Тебе новую свернуть или мою докуришь?

– Докурю.

Генка принял протянутый бычок и жадно сделал затяжку.

– С табачком здесь туго. Быстро гниет и влагу набирает. Воздух, чувствуешь здесь какой?

– Ага, – Генка выпустил дым и сел поудобнее, одеяло снова затрещало.

– Уже рвется. Два дня назад было почти новым, – сказал Павел, – надо завтра сходить на склад, может получится отыскать, что получше. А лучше в музей идти.

– Тихо, – прошептал Генка и замер, – слышишь?

– Послушай, сейчас объяс...

– Нет, нет. Там голоса, там люди.

Генка вскочил, бросил на пол окурок и кинулся к двери.

– Стоять, – Павел в падение было поймал Муханова за брючину, но ему достался лишь треск выскальзывающей ткани. Прежде чем поднялся и сделал еще одну попытку удержать парня, тот уже ногой сбил упор, откинул полог и выскользнул в дверь.

– Блин, – выругался Павел и бросился вдогонку. В темноте под крышей ничего не было видно. Только что Генка выбежал в дверь и теперь словно растворился. Павел представить не мог, куда делся парень. Он сделал несколько шагов, и остановился, вслушиваясь в беспокойную ночь. О местонахождении беглеца догадался по скрипу петель на люке.

Настиг Генку уже на лестничном марше. Схватил за локоть и крепко сжал. Тот уже вырывался, стоял, раскрыв рот, и смотрел во все глаза. Павел не стал загонять Генку обратно в коморку и устраивать взбучку. Он стоял рядом и крепко держал его за локоть, решив, еще один урок не помешает новому жителю изнанки.

В метре от него прошелестел прерывистый мужской голос, принадлежащий едва угадываемой замутненной субстанции. Низкий тембр то появлялся, то пропадал, получалось так, словно, Генка ладонями часто-часто хлопает себя по ушам. Слов невозможно было разобрать, только интонации.

Рядом послышался прореженный женский смешок похожий на клекот. Собеседница была невидима.

Из дверного прохода справа дальше по коридору выплыл мутно – белый кокон. Он двигался женской вихляющей походкой, навстречу флиртующей парочке, и чем ближе приближался к ним, тем сильнее наполняла его белесая муть. По стройной фигуре, по походке, по формам, определяющим первичные признаки пола, не составляло труда догадаться, что это молодая девушка лет двадцати, двадцати пяти.

– Почему я ее не вижу? – прошептал Генка онемевшими губами. Он имел ввиду особу, которая шла с мужчиной и смеялась.

– Потому, что она не испытывает отрицательных эмоций. Отрицал это дым, копоть, молоко с тушью, как угодно, который наполняет оболочку и делают ее видимой. Другая телка, скорее всего, злится, что патсанчик клеится не к ней, или ревнует, поэтому и проявилась. Фантом, как говорится, созрел.

– Как ты сказал?

– Фантом, тень, отражение без разницы. Мы можем видеть людей только с отрицательным знаком. Втыкаешь?

Дымная женщина обернулась и посмотрела в след парочке. Ее губы беззвучно двигались. Она еще несколько секунд стреляла по удаляющимся спинам взглядом, затем надменно вздернула голову и зашагала по коридору. Генка хотел посторониться, пропуская злую дамочку, но Павел его удержал. Фантом прошел сквозь них и даже не споткнулся.

– А почему они здесь? На улице ночь? – прошептал Генка онемевшими губами.

– У них рабочий день в разгаре.

– Как это?

– Наши земные сутки равняются приблизительно паре с хвостиком здешним. Как-то один раз ночью, какой-то мужик, то есть фантом, забрел прямо ко мне в комнату, сквозь стену. Прикинь. Вот напугал меня придурок. Я потом догадался, что он сантехник и то, что мы здесь делаем и строим в том, в нашем мире не существует. Изнанка вообще там никак не сказывается. Ты ведь ничего о ней не знал, пока сам здесь не очутился чудесным образом. Мужик прошел насквозь к торцевой стене и там, около часа возился с расширительным бочком. У него ни черта не получилось, когда возвращался, был серее прежнего. Налился злостью как виноградина соком. Еще коконы могут ходить над проломами, ездить без автомобилей и не обращают внимания ни на кучи мусора, ни на обвалы, ни на поваленные деревья, проходят сквозь них, так же как девчонка сквозь тебя. Там, то есть, в нашем мире ничего этого нет. Там все по-прежнему. Люди живут своими жизнями и про нас даже не догадываются.

Из кабинета вышел кокон цвета запыленного стекла. Сделал движение, словно закрывает за собой не существующую в этом мире дверь и пошел по коридору к лестничному маршу.

– Нервничает, наверное, или стресс испытывает. Хрен его знает, – шептал Павел на ухо притихшему Генке, у которого от удивления отвисла челюсть.

– Пошли лучше отсюда, братуха. Не дай бог, свиньи появятся, а за ними и чмоки подтянутся. Пошли, – он осторожно потянул парня за руку. Нехотя Генка поддался давлению, побрел следом к лестнице на чердак.

Ему больше не хотелось спать, мозг бомбардировался все новыми фактами и откровениями, от которых по коже шел мороз и волосы вставали дыбом. Он не мог нащупать почву под ногами, как тогда, на пристани. Создавалось впечатление, что он все еще в иле и тонет. Не мог представить, каким образом сможет существовать в безумном, ужасающем мире. Эти два понятия не укладывались в голове, отталкивались друг от друга, как магниты с одинаковым полюсом.

Они сидели в коморке, при тусклом свете керосинки. Прыгающий огонь на кончике фитиля играл в прятки с тенями. Стоило ему вспыхнуть ярче, как тени тут же прятались за препятствиями, становясь короче, и наоборот, от чего лица собеседников казались подвижным.

– Как много здесь свиней? – после долгих раздумий спросил Генка.

– Везде.

– И на той стороне, за Волгой?

– На той стороне не знаю. Не был. Но, скорее всего, и там тоже.

– Паш, скажи, они были всегда?

Глаза у Генки блестели, отражая слабый свет керосиновой лампы.

Павел не спешил отвечать. Из банки на обрывок сухой пожелтевшей газеты, высыпал табак вперемешку с трухой, разровнял и стал скручивать «козью ножку».

– Думаю, нет. Если бы они существовали всегда, то на месте города раскинулась бы пустыня. Все превратилось бы в прах. Они не местные. Видел, что с Волгой творится? Они ее испарили. Чтобы такое сотворить, нужен гигантский кипятильник и возможно не один. Постоянная облачность, удерживает воду, как в парнике и в то же время подогревается атмосфера.

Подозреваю, что плесень и водоросли именно поэтому распустились буйным цветом. Все здесь продуманно, сделано искусственно.

Павел прервался, прикурил рукотворную папиросу от керосинки, пыхнул едким дымом и протянул тлеющую самокрутку Генке.

– Будешь?

– Нет, сейчас не хочу, – отказался он, вспоминая прогорклый привкус сырого табака.

– Если ты заметил, – продолжил Павел, – здешним воздухом трудно дышать, а когда побегаешь и того хуже – першит в горле, задыхаешься. Но першит совсем по другому поводу, не от влаги. Моя теория такая: сначала кто-то включил здоровенный кипятильник, который испарил Волгу и создал влажную среду. Потом, этот кто-то в благодатной среде засеял плесень. Она распространилась повсюду и наполнила атмосферу спорами. Затем, я подозреваю, появились всякие твари, которые смогли дышать этим, предназначенным для них воздухом, а у нас першит в горле из-за спор. Это моя версия, как там на самом деле, не знаю. Еще, по моему, этот их воздух разрушает органические соединения, поэтому все стареет, разваливается и превращается в пыль.

– А как он к нам попал этот кто-то?

– Думаю, это не длительный путь эволюции и не параллельный мир. Они из космоса. Мой срок их цивилизации – лет двадцать, двадцать пятьдесят. Ну, это так, от балды.

– Паш, и, что вся земля такая? Ведь Волга длинная из нее нельзя забрать всю воду. Тогда понизится уровень океанов и все такое.

– Ну и что? Это в этом мире понизится, а в нашем все останется по-прежнему.

– А ты уверен, что люди ничего не знают, не чувствуют?

– Ты сам чувствовал?

– Я?

– Да ты. Думаешь, что ты неприкасаемый? Никогда не становишься коконом? Фига, не угадал. Стоит тебе только разозлиться, пожелать, кому ни будь зла, да просто позавидовать другу за его новый мобильник и ты фантом. Фантом. Понимаешь, фан – том. И они уже, братишка, от тебя не отстанут, пока не отсосут по полной. Ты просто не представляешь, как их много. Завтра по улицам пошастаем, в музейчик заглянем..., сам увидишь.

– Паш, ты как будто иронизируешь?

– А что мне теперь, плакать?

– Нет, конечно, но все – таки. Такие монстры рядом с нами, как – то не по себе становится, жутко.

– Жутко? Ничего, привыкнешь.

– А ты точно уверен, что они нам не вредят, ну, когда мы в нашем мире. Может, там, карму повреждают, ауру источают, энергию пьют?

Павел задумался и затянулся едким дымом.

– Точно не скажу. У меня есть подозрение, что они провоцируют нас на отрицал. Видел, как у них трясутся хвостики, когда присасываются? Я сначала думал, что это от удовольствия, – он печально ухмыльнулся и продолжил.

– Как-то оказался поблизости, когда эта тварь хвостом натрясывала. Так в воздухе повис такой противный мускусный духан... Под хвостом у них, как у котов – железа, только они не метят территорию, а выбрасывают в воздух какие-нибудь эндорфины, феромоны, мутофины, которые могут проникать в наш мир и стимулировать ярость или там злость. Как правило, после таких опрыскиваний коконы мутнеют.

– И много их?

– Ага.

Свет от керосинки стал ярче, густые тени отступили в углы. Павел встал, подошел к тумбе и затушил самокрутку в жестяной банке. Сзади послышался треск рвущейся материи.

Это Генка попытался застелить одеяло. От ветхости волокна расплзались. Муханов стоял, сжимая в руках лоскут шерстяной ткани, на его лице расплылась нелепая улыбка.

– Наплюй. Здесь все так. Скоро с тебя осыплются твои модные штаны.

– Куда теперь это одеяло?

– Выкинь за дверь.

Генка наклонился, чтобы собрать в охапку лохмотья, снова послышался треск – его джинсы на заднице разошлись по швам.

– Черт, – выругался Генка. Павел только хмыкнул.

С одеялом в руках, ощупывая дыру на ягодичах, Муханов подошел к двери. Убрал подпорку, отдернул маскирующий занавес и потянул за металлическую ручку. Дверь заскрипела и повалилась на него.

– Блин, – воскликнул Генка, выронил шерстяную ткань и обеими руками подхватил деревянный щит.

– Паш, – жалобно воскликнул он, – помоги.

Услышал, как сзади тихо, почти неслышно посмеивается старлей.

– Привыкай, рядовой. Теперь все время ходи на измене и ожидай подвоха.

– Черт, все так сразу.

– Да, попал под воду – скорее отращивай жабры, не то задохнешься.

Павел с легкостью перехватил дверь и отодвинул в сторону.

– Давай выбрасывай уже, пора перекусить. Консервов как раз только на завтрак и осталось.

Генка учился быстро. На этот раз у него вышло насытиться с двух банок. Павел утолил голод одной.

– Мы так желудки себе не испортим? – пробубнил Генка, дожевывая тушенку.

– На твоём месте беспокоился бы об этом в последнюю очередь, – проговорил Павел и продолжил, – Курс молодого бойца я тебе прочитал, мастерство будем оттачивать в процессе. Теперь, Гендос, твоя очередь мне кое – что рассказать.

– Паш, не называй меня Гендосом.

– А чем тебе не нравится Гендос?

– Ну, это слово наталкивает на мысль о контроцептивах.

– А-а-а, – улыбаясь, протянул старлей, – тогда будешь..., – он задумался.

– Не проще ли меня звать просто по имени.

– Гена, что ли? Крокодил Гена?

– Нет, Генка.

– Генка, рваная коленка. В нашем племени такое не прокатит. Здесь другой мир и имя твое должно быть заточено под него. Генчанчес к примеру, Гондурас, или, – он задумался, – вот. Будешь Геномом. Как тебе Геном?

– Не очень, – Генка поморщился, все лучше, чем Гендос.

– Вот и ладненько Геном Ньютона и имя и фамилия сразу.

– Не геном, а бином, – поправил парень, а фамилия у меня Муханов.

– Муха, точняк. Ты чем – то на нее даже похож.

Генка больше не спорил, в институте его вообще звали Мухомор.

– Все с именем определились. А вопросец у меня к тебе такой. Соберись, откинь волнения и грусть, постарайся вспомнить все до мелочей. Мне интересно, что случилось, перед тем, как тебя заарканил бледнолиций?

– Кто?

– Тот мужик в шляпе. Видел, какая у них бледная кожа? Вообще – то они растворители, но иногда и бледнолицые.

– Как у утопленников?

– Точно, как у утопленников. Только они не утопленники. Они привилегированная каста. Расскажу позже. Сейчас, твоя очередь. Вопрос помнишь?

Генка закивал. Он минуту сидел с закрытыми глазами, прокручивая в голове цепь событий последних суток. Он вспомнил. Резко открыл глаза и начал рассказ, стараясь не упустить мельчайшие подробности. Генка видел, как напрягся Павел и впитывал каждое его слово. Проникся ответственностью, и старался изо всех сил, выуживая из закромов памяти все, что касалось темы косвенно и напрямую.

Глава №7

Павел задул керосинку. Дневной свет из окна осветил спартанское жилище, а Генка все рассказывал. Иногда он замолкал, потом спохватывался, теряя нить повествования, ловил и продолжал дальше.

– Ну-ка, Муха, давай еще раз про телефон и поподробнее.

– Я уже два раза...

– Не пререкаться, рядовой, так надо, давай еще раз.

Старлей поймал упрямый взгляд Генки.

– Что зыришь? Для нас же стараюсь. У меня такое чувство, что телефон и есть то звено, которое нас объединяет. Смотри. Жили мы в разных районах, у нас разный возраст, социальное положение тоже не одинаковое, умственные и физические возможности соответственно. Остается мобильник.

– У тебя, что тоже мобильник звонил перед появлением утопленника?

– Не знаю. Говорил же, я спал. Но это не важно, главное он был у меня. Так что «трояк зеленый», давай еще раз. Сможешь вспомнить все мелочи, ефрейтора получишь.

Генка предпринял очередной мозговой штурм. Он наморщил лоб, сдвинул брови и взглядом уперся в пол. «Откуда у меня мобила – рассказал. Про треск в трубке – рассказал, – повторял про себя Генка, – про первое ночное посещение – рассказал, про второе тоже, про заварушку на пристани он и сам видел. Что еще? Откуда его взял Вадик? Я не знаю. Вроде как нашел»

– Вадик, – Генка оживился, – тот который мне продал мобильник, его нашел.

– А где? – глаза у Павла вспыхнули.

– Не знаю.

– Ладно, свой я нигде не находил, купил в магазине сотовой связи на Врубеля. Хотя, – Павел замолчал и замер, словно прислушиваясь к своим мыслям, – может это один и тот же капкан? У тебя бэушный, у меня новый. Каким – то образом они подсунули свой поддельный в новую партию? У тебя какая модель была?

Павел подошел к Генке, сел на корточки напротив и пристально посмотрел ему в глаза, словно собирался тут же разоблачить его ложь, если тот вздумает юлить.

– «Моторолла».

– Блин, – Павел вскочил и зашагал по коморке.

– У меня «Нокиа».

– А может у них несколько таких арканов? – робко предположил Муханов.

– Что? – старлей остановился и резко обернулся.

– Ну, несколько телефонов, которые к нам забрасывают, разные производители. «Нокиа», «Моторолла», «Самсунг», «Со....»

– Усек, усек, помолчи, – Павел сосредоточился, – значит телефоны. А где сейчас твой телефон говоришь?

Генка пожал плечами. Он на пристани попал в такую круговерть, что про мобильник и думать забыл.

– Вспомни, где ты его выронил? Я видел, ты его в руке держал, когда тебе позвонили. Ты поднес аппарат к уху, растворитель стоял за спиной. Что было потом? – настаивал Павел, – я не мог всего видеть, урод в шляпе тебя загораживал.

Генка в бессилии помотал головой. Павел развернулся схватил с тумбочки банку из-под консервы.

– На, возьми. В какой руке держал мобилу? Помню, в правой.

Вложил в руку парню жестянку, крепко обхватил своими пальцами его ладонь, и пристально посмотрел в глаза, словно желал загипнотизировать, не хватало только фразы «Ближе мысли». Несколько секунд они сидели неподвижно, глаза в глаза.

– Чувствуешь?

Генке не хотелось разочаровывать нового друга. Он как – то неопределенно пожал плечами, робкая улыбка вышла уж очень вымученной.

– Давай еще раз. Закрой глаза и настройся.

Павел напоследок сжал его руку и медленно отпустил, оставляя того наедине со своими ощущениями и воспоминаниями.

– Ничего не выйдет, – заартачился Муханов.

– Давай, – гаркнул старлей.

Глаза закрылись сами собой. Минуту Генка сидел, силясь разбудить воспоминания.

Почему-то не смотря на всю серьезность и ответственность момента, вдруг стало смешно. Он подавил эмоции и сдержал улыбку.

– Давай, давай, Муха, – шептал с придыханием Павел.

Генка вдруг дернулся. Старлей замолк и впился в него взглядом. Генка медленно наклонился всем телом влево, затем вправо, его голова заворочалась на шее, совсем как у медиума в транс, нащупывающего «волну». Затем он замычал.

– Вижу, – прошептал Генка, едва разлепляя губы.

Павел затаил дыхание. Муханов не мог больше выдержать пытки и брызнул смехом.

– Придурок, – фыркнул Павел и отвесил ему звонкую затрещину.

– Паш, не обижайся. Не могу я вспомнить. Говорил ведь.

– Да пошел ты.

Глава №8

Они вышли затемно. Мысль, что Генкин мобильник может оказаться в изнанки не давала Павлу покоя. Учитывая место, где последний раз пользовались телефоном, круг поиска сужался, но одновременно сопрягался с некоторыми неудобствами. Если телефон здесь, то его надо искать, либо на пристани, либо в илистой топи под пристанью. Второй вариант, не смотря на трудоемкость, был более предпочтительный, так как мобильник оставался скрытым от лишних глаз. Павел допускал, что в него вмонтирован маячок, поэтому надо было торопиться.

Скитальцы наспех перекусили и двинулись скрытыми тропами к пристани. Накрапывала противная морось. Они не сразу спустились в коллектор. Короткими перебежками от здания к зданию, поскользываясь на жидкой глине, разбрызгивая лужи, от подвала к завалу двигались на северо-запад к портовым мастерским. Крались вдоль котельной с узкими окнами и толстыми стенами из старого пережженного кирпича, когда из подвала донеслись визги и булькающее урчание. К ним присоединились еще, высокие звуки прокатились волной и затихли где-то у торцевой стены, казалось, весь подвал был набит свиньями. Генка сделал два быстрых шага и вцепился в запястье Павлу.

– Спокойно, Муха, – одними губами прошептал старлей, «одаривая» парня испепеляющим взглядом. Генка нехотя отпустил его. Изредка сверху сыпался мусор, падали щепки и обломки кирпича. Полностью застраховаться от несчастного случая они не имели возможности. Любой приличный обвал мог похоронить их под собой. Приходилось искать золотую середину между двух огней – либо оказаться легкой добычей для чмоков, либо быть погребенными под рассыпающимся зданием. Путники держались от стен на расстоянии двух шагов и постоянно скидывали головы, всматриваясь в верхние этажи.

Они выскользнули из административного здания через огромный обвал в два этажа и пересекли небольшой пустырь поросший сорняками.

Металлические ворота ангара лежали на асфальте прямо перед ними. Павел бывал здесь и раньше, с той поры ничего не изменилось: дыры в крыше, прогнувшиеся фермы, изглоданные временем кирпичные стены, поржавевшие металлические конструкции, растрескавшийся бетонный пол, проросший пучками чахлой травы.

Они спрятались за ржавым контейнером, долго всматривались в чрево ангара, в темные углы, в застывшие тени станков и оборудования, прислушивались. Под уцелевшей частью кровли в дальнем конце стометрового сооружения царил опасная, коварная чернота.

Наконец, Павел пошевелился и крадучись двинулся вперед. Генка следом. Они пробирались под ржавым, искореженным железом в дальний конец сборной конструкции. Именно в ремонтном цехе Павел рассчитывал найти шланги высокого давления. Он понимал, что телефон тяжелее грязевой жижи, обязательно утонет и ему придется за ним нырять. Без шлангов в этом случае не обойтись. Павел понятия не имел, как глубоко находится дно. Судя по росту Генки, как минимум полтора метра. Придется погрузиться в илистую гущу и искать мобильник на ощупь. Неизвестно, как много уйдет на это времени. Он предусмотрительно надел ржавую кирасу кавалергарда, с несколькими вмятинами в области груди и живота, перекочевавшую из музея в его коморку. Первое время Павел вообще не снимал железный панцирь. Но как не чувствовал бы себя в нем безопасно, предпочтение отдал скорости и маневренности. Не каждая щель или пролом соглашались пропустить его с металлическим пузом.

Кирасе предстояло сыграть не маловажную роль в предстоящем погружении. Она не должна была позволить грязи после первого же выдоха сдавить ему грудь.

Обломки железной кровли, поржавевшие контейнеры, гнилые деревянные ящики с выломанными досками и вывалившимися «внутренностями», массивные токарные станки выплывали из полумрака, словно призраки. У Генки тряслись поджилки, он старался не выпус-

коть из поля зрения спину Павла и по возможности прятаться за нее. Постоянно боролся с соблазном ухватить за край его пончо и не выпускать.

Местами конструкции из металла обвалились, превратившись в непроходимый металлический лес. Прижимаясь к несущей стене, изгибаясь и подползая, путники медленно продвигались к гальваническому цеху.

Неожиданно, словно зверь выпрыгнул из засады, с жутким скрежетом рухнувшая железная ферма, которая опиралась одним концом в бетонный пол, а другим на стену, подломилась и поползла вниз. В этот самый момент Павел, лежа на спине, протискивался под изогнутым швеллером. Он видел, как железная балка с мерзким скрежетом, ползет на него. Рывком, напрягая мышцы рук, и отталкиваясь ногами, он попытался протолкнуть тело. Но только сильнее вклинился выпуклой кирасой между полом и тавровым профилем. Павел застрял. Он упирался изо всех силы, его лицо покраснело, вены на шее вздулись. Сверху на него сыпались обломки кирпича и цемент, с глухим жестяным звуком колотили по кирасе. Безумный взгляд старлея примерз к соскальзывающей ферме. Животный страх читался в его глазах. Балка скрежетала и скользила вниз, чем острее становился угол, тем она быстрее падала.

– Муха, – натужно крикнул Павел, перекрывая скрежет металла, – тяни меня. Я застрял.

Генка очнулся, стряхнул оцепенение и подскочил к старлею, вцепился обеими руками в брючины и дернул на себя, что было сил. Раздался треск, Генка упал на зад, сжимая клоки ткани. Секунду он в недоумении разглядывал лохмотья, затем отбросил их и снова кинулся к упирающемуся Павлу. Скрежет становился невыносимым. Генка обхватил лодыжки и снова дернул. Его ноги скользили по мокрому бетону, по кирпичному крошеву, подошва одного кроссовка отслоилась и осталась лежать на месте. Генка больно проехался ступней по колкому полу, чертыхнулся и упал на колено. Зажатый в капкане Павел что-то орал и дергался. Сверху сыпалась красная пыль и обломки кирпича. Ферма стремительно приближалась, нацелившись на его грудь.

– Беги, – последнее, что услышал Генка. Грохот, фонтан из осколков кирпича и штукатурки, облако красной пыли накрыли место трагедии. Оглушенный, отплеываясь, и щурясь, Генка выползал на карачках из мусорного торнадо. Он не видел, что произошло в последний момент, но не сомневался, об участии постигшей Павла. Многотонная ферма рухнула на него, просто раздавила в лепешку. Муханов еще не осознал весь ужас потери, он был оглушен, разбит. Казалось, под кожей по венам вместо крови течет густое машинное масло, а мясо отделилось от костей. Что-то жгучее зарождалось в груди, росло и грозило взорваться, разнести его в клочья. Не отдавая себе отчета, Генка развернулся и медленно, словно его ноги залили бетоном, поплелся к выходу из ангара. Какое-то спасительное оцепенение накрыло его прозрачным колпаком, отгораживая от страшной беды, которую до конца он еще не в силах был осмыслить и оценить последствия. За спиной послышался отборный мат, плевки, снова мат. Генка остановился, тяжело переставляя стопудовые ноги. Короткими шажками, сначала правую на четверть оборота, затем левую, снова правую и снова левую, он медленно обернулся. Не веря своим ушам, несколько долгих секунд он прислушивался, не показалось ли, не воображение ли играет с ним в жмурки – выдает желаемое за действительное?

– Муха, лети сюда быро, – слышался из-за завала голос Павла. Спотыкаясь, накалывая правую ногу в драном кроссовке на осколках кирпича, повизгивая от радости, все увеличивая шаг, наконец, побежал. И вот он оказался на вершине обвала, жадно всматриваясь в красный туман. Пыль немного рассеялась, и он мог видеть, что искореженная ферма буквально в метре над полом проломила кладку и остановилась, повиснув на стене.

– Паха, – Генка спрыгнул вниз, еще не видя Павла, но сознавая, что тот жив, набросился на кучу битого кирпича, стал истоиво расшвыривать здоровые обломки.

– Побереги силы, рядовой.

На Муханова с другой стороны завала смотрел Павел. От пыли его лицо было матового терракотового цвета, он опирался на искореженный скелет металлической фермы и улыбался.

– Как? – только и смог выдавить Генка.

– Во, – Старлей поднял пончо. Взору предстал панцирь, смятый в области грудины, – эта дура рухнула и застряла на стене, нижняя часть лишь слегка придавила швеллер. Тот в свою очередь придавил меня, то есть, кирасу, – Павел стукнул кулаком по железной броне, послышался глухой звук жестянки, – потом соскользнул с ребра балки и принял прежнее положение, но я то, уже уменьшился в размере. Усекаешь? Швеллер и кираса прикрыли меня от камнепада. Конечно, получил по ногам, но кости целы. Давай перебирайся сюда, мы уже на месте, – Павел говорил обычным голосом, словно ничего не произошло.

Они нашли шланг высокого давления с толстыми армированными стенками. Немного задержались, подыскивая Генке подходящую подошву. В итоге Павел отрезал ятаганом кусок от своего пончо и перемотал ему ступню. Раны на голених старлея кровоточили, и рваные брючины липли к ногам. На эти мелочи Павел не обратил внимания, его куда больше беспокоило левое бедро. Приличного размера обломок упал рядом и по касательной задел ногу, этого было достаточно, чтобы всерьез побеспокоиться о целостности кости. Павел развязал на поясе веревку, спустил до колен брюки и осмотрел бедро. Нога в месте удара припухла, на коже стал проявляться огромный синяк. Павел осмотрел, ощупал место удара, поприседал и пришел к выводу, что двигаться может, худшие опасения не сбылись – кость цела.

Ноша оказалась тяжелой. Не без труда они выволокли шланг из ангара. Павел, взвалив на себя две трети колец. Он шел, согнувшись в поясе, припадая на больную ногу. Генка двигался за ним в «связке» с десятком витков через плечо. Он видел, что старлей хромает, мысленно сочувствовал ему, но помочь ничем не мог. Те восемь метров резиновой «кишки», что отсчитал ему Павел, он едва нес.

Изможденные, но без приключений добрались до водозаборной станции, неподалеку нашли коллекторный люк. Сбросив с плеча тяжелый шланг, Павел подцепил острием кривой сабли чугунный блин, приподнял его и просунул в образовавшуюся щель пальцы и отодвинул массивную крышку. После чего сбросил мотки шланга вниз. Аккуратно задвинул крышку на место, когда оба спустились в трубу. Двигаться в темноте, в постоянном наклоне и с тяжелой ношей было нелегко. Они часто останавливались и отдыхали. После шестого привала, наконец, вышли на место.

Генка услышал впереди стук тяжелых башмаков о дерево. Сразу вспомнил доску, которую ему, словно спасательный мостик кидал Павел. Согнутая фигура старлея приблизилась к краю трубы. Он сбросил кольца шланга на покатый бетон, осторожно выглянул из-за края трубы и тут же спрятался обратно.

– Трындец, – прошептал Павел, повернувшись к Генке.

– Что? – так же тихо спросил Муханов.

– Иди, сам глянь.

Бесшумно ступая по широкой доске, Генка приблизился к краю. Павел отошел назад, уступая ему место. Генка выглянул. Возле самого края набережной толпилось несколько растворителей.

– Ну ка, – Генка почувствовал, как Павел потянул его за плечо назад, – дай еще зыркнать.

Осторожно и очень плавно, словно в замедленном кино они поменялись местами. Минут десять Павел наблюдал за суетой творившейся наверху. Генка терпеливо ждал.

– Ничего не понимаю, – наконец Павел пошевелился и отошел от края, – какого фига они здесь забыли?

– Значит телефон здесь, – уверенно сказа Генка.

– Точно, – подтвердил Павел, – в них встроены маяки. Они знают, где их аркан, но не могут достать.

– Наверное, плавать не умеют, – предположил Муханов.

– Или тупые. Не могут взять то, чего не видят.

– Что будем делать?

– Не знаю. Все зависит от того, как быстро они решат, что мобила потеряна для них навсегда и свалят, – Павел сел на прохладный бетон, вытянув больную ногу и потер ноющее бедро.

– А если они все-таки попытаются его достать?

– Почему тогда до сих пор не достали?

– Ни это главное. Главное что телефон еще здесь.

– Ты чего Муха? Предлагаешь мне лезть в грязь у них под носом?

Генка молчал и смотрел на него. Павел понимал, что тот прав. Несколько томительных секунд они смотрели друг на друга.

Наконец, Павел встал, вытащил ятаган, положил его на дно трубы и стал развязывать бечевку на поясе.

– Может, еще немного подождем? – робко предложил Генка.

– Помоги, – пропуская вопрос мимо ушей, сухо сказал Павел. Все остальные действия, обговоренные еще в коморке под крышей, производили слаженно и четко. Генке хотелось, чтобы его единственный друг в этом мире рисковал, как можно меньше, поэтому все делал основательно и добросовестно. Только недавно, он едва не лишился своего спасителя и вот снова опасное мероприятие.

Сам он вряд ли полез в донный ил, знай, что над головой топчутся несколько хладнокровных убийц, тем более он не продержался бы и минуты под слоем грязи – слаб и хил. Так же он знал, что мобильник единственная их надежда, и если они промедлят и упустят свою удачу им крышка. Удача и так к ним сегодня милостива, испытывать ее терпение и дальше верх безрассудства. Генка шмыгал носом, и подсовывал под кирасу куски материи.

Павел пропустил шланг под железным панцирем, куском проволоки через пробитую ножом дыру в кирасе закрепил его на поясице, оставил небольшой отрезок на уровне рта. Они еще раз все проверили. Павел подошел к краю бетонной трубы, подергал шланг, испытывая прочность его крепления, затем развернулся. Его темный силуэт, раздутый в верхней части кирасой, со шлангом, тянущимся от пояса к мотку, на фоне грязевой реки, сопровождаемый унылыми звуками умирающего города и глухим эхом капли где-то в глубине коллектора, выглядел сюрреалистично.

Он стоял с закрытыми глазами, наклонив голову на грудь и опустив плечи, словно на похоронах. Несколько секунд с шумом вдыхал и выдыхал воздух, продувая легкие. Затем к удивлению Генки, крепко треснул себя по одной, затем по другой щеке, для чего-то широко разинул рот, словно собирался откусить большой кусок пирога, в заключении помотал головой разминая мышцы шеи. Он сосредоточенно смотрел куда-то себе под ноги, не замечая ничего вокруг. Черты его лица заострились, глубокие тени пролегли под глазами и скулами. Ни проронив, ни слова, закусил конец шланга, выходящий из-под кирасы у шеи, опустился на колени и затем медленно стал погружаться в жидкую грязь. Все происходило в скорбном тяжелом молчании. Напряжение и нервозность витали в воздухе. Муханов не мог найти напутствующих слов, хотя ему хотелось, сказать Павлу, что-нибудь ободряющее, на подобии: «встретимся в следующей жизни, или скоро не жду», но он понимал, что Павел лучше его осознает на какой идет риск и любые слова будут лишними.

Когда серая жижа поглотила старлея до глаз, тот посмотрел на Генку, подмигнул и крепко зажмурился. Через мгновение он скрылся в илстой гуще. На поверхность поднялись ленивые пузыри и лопнули брызгами расплавленного пластилина. Муханов остался на «берегу», контролировать ситуацию у мотка шланга. Он пропускал шершавую резину между пальцев по мере погружения Павла и следил, чтобы шланг не запутался.

Генка слушал тяжелого, прерывистого дыхания, доносившееся из шланга, и молил Бога, чтобы все получилось, чтобы Павел случайно не выпустил изо рта шланг, чтобы твари на пристани не мешали, чтобы телефон нашелся. Черные резиновые кольца постепенно раскручивались, распрямлялись у края трубы и погружались в ил. Время тянулось медленно. У Генки затекли ноги, он поднялся с корточек и уже стоя продолжил контролировать медленное скольжение шланга в своей руке. Через некоторое время он снова сел, прислонившись спиной к холодному полукругу бетону, закрыл глаза и стал считать секунды. Один, два, три... Шланг медленно скользил в ладони, словно змея. Четыре, пять, шесть... Из коллектора слышится нудная капель. Семь, восемь, девять... Сердце гулко бьется в груди и отдается в висках. Десять, одиннадцать, двенадцать... «Хоть бы все получилось». Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Только шумные, сильные вдохи, выдохи. Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... Вдох – выдох, вдох, выдох, доносятся, словно далекое эхо, с другого конца земли. Девятнадцать, двадцать, двадцать один... Он прислушивается. Сигналом к всплытию должен послужить крик или какой-нибудь громкий звук Павла, но слышалось только его тяжелое дыхание. Вдох – выдох, вдох – выдох. Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... Дыхание становится все тяжелее, интервалы между вдохами увеличиваются. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... От волнения взмокли ладони. Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать... Он оттолкнулся от стены и встал, перешел к другому краю. Затекшие икры покалывает иголками. Тридцать один, тридцать два, тридцать три... Он поприседал, подергал ногами. Привалился боком на трубу. Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть... Время тянется, как капли расплавленного битума. Шланг медленно скользил в ладонях. Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять...

Сзади что-то мягкое ткнулось Генке в спину. Сердце екнуло, затем забилося в бешеном ритме. Медленно, очень медленно, не меняя позы, Генка повернул голову и скосил глаза. Страх горячими волнами растекался по телу, словно густой кисель. Он не сразу различил в полумраке коллектора приземистое существо на четырех лапах с массивной головой. Долго бы гадал, что за тварь к нему пожаловала, если бы она не издала булькающий, задыхающийся звук, словно в горле застрял язык. Он впервые видел так близко это мерзкое создание, которое Павел с легкой руки обозвал земным словом «свинья». Генка медленно развернулся, пропуская свет. Блеклый день проник в коллектор, темное пятно приобрело форму и цвет.

Существо с интересом смотрело на Генку оплывшими, широко раскрытыми маленькими слезливыми глазками с розовыми подводками у век. У Муханова от страха перехватило дыхание, он перестал замечать шланг, скользящий в руке, забыл про Павла и зачем вообще сюда пришел. Сердце бухало молотом и казалось вот, вот выскочит из груди. Существо потянулось к нему мордой, пробуя воздух сросшимся из двух пазух отростком.

С домашней свиньей сходство твари было не велико, лишь массивная голова, с жирным подбородком скрывающим короткую шею, перетекающим в одутловатое туловище. Генка обратил внимание, что маленькие водянистые глазки часто моргают, и, скорее всего, плохо видят. Вытянутый нарост на морде делился желобом на две части и напоминал двустволку. Разъединенные на конце, они шевелились, двигались в разные стороны, и с шумом втягивали воздух.

Существо было лысым, лишь длинные редкие жесткие волоски торчали из серой с крупными грязно-розовыми пятнами туши. Тело под тонкой сухой кожей, казалось, нежным и в тоже время омерзительным. Тварь сделала шаг вперед на вывернутых, словно переломанных и не правильно сросшихся коротких лапах. Вопреки ожиданию, и подспудной ассоциации со свиньей Генка не услышал стука копытца о бетон. Уродливые лапы заканчивались «подушкой» в форме блина. Выдавленные мягкие ткани бугристым кольцом окаймляли конечность. Генка инстинктивно отклонился назад. Ужас и отвращение клокотали внутри.

С чавкающим звуком тварь широко разинула пасть. Генка весь сжался готовый почувствовать на себе острые зубы. Вместо этого беззубые челюсти разомкнулись, и из смердящей

слюнявой пасти стало вытягиваться нечто гибкое и червеобразное. Присмотревшись, Генка с содроганием узнал тот самый хобот, которым свиньи высасывали коконы на улице, возле ржавого светофора. Во все глаза смотрел на питающий орган, он удлинялся, выворачивался, словно чулок.

По всей видимости, подслеповатая тварь приняла его в темном за фантом. Генка пульсировал едва заметной, голубоватой аурой. Инстинктивно он отклонялся от мерзкого хобота, насколько позволяла труба. Повторил форму круглого коллектора, «растекшись» по бетону. Отросток все удлинялся, уже вытянулся на полметра, и все продолжал выворачиваться. В какой-то момент он изогнулся и ткнулся Генке в колено. Муханов пискнул, не от боли, а от неожиданности и омерзения. Касание было упругим и мягким. Ужас вспыхнул ослепляющим пламенем. Он отбросил шланг, который все еще удерживал в руке, подобрал с пола ятаган Павла, и неуклюже по девчачьи ткнул тварь в жирную шею. Он ожидал, что свинья взвизгнет и умчится прочь, но она даже не обратила на укол внимания. Сжигаемый страхом и отвращением Генка встал на колени, чтобы размахнуться и прежде чем всадить метал в мягкую плоть, зажмурил глаза. Руки, сжимающие холодную рукоятку, поднимались и опускались. Он слышал хруст и хлопаяющие звук, но не смел поднять век.

Ощущение походило на те, когда он из пневматической винтовки ради шутки стрельнул не целясь, по кустам где чирикали воробьи. Даже не думал, что сможет попасть. Стая, напуганная хлопком, вспорхнула и улетела. Одна птица, забилаясь в ветвях, упала на асфальт. Воробей дергался и трепыхался в предсмертных конвульсиях, а Генка как зачарованный смотрел на маленькое коричневое тельце птахи и внутренне ужасался от содеянного.

Генка боялся увидеть гадкую кровавую предсмертную «пляску». Он не вынесет пытки и его вывернет наизнанку, уже не будет ненавидеть, а будет жалеть и содрогаться. Он все ждал, когда свинья затихнет. Когда, наконец, замолкнет. Скорее бы. Удар еще удар.

Ятаган с лязгом стукнулся о бетон и отскочил. Сам, не желая того, Генка открыл глаза. Искромсанное существо, переваливаясь из стороны в сторону, подволакивая задние лапы, медленно тащило жирное тело прочь, оставляя на бетоне черный след крови. Муханов в шоке наблюдал за кошмарной сценой и был благодарен то ли судьбе, то ли самой твари, что она избавила его от мук совести и жгучей жалости за дело рук своих. Он смотрел, как она шаг за шагом растворяется в темноте коллектора и скоро исчезла. Прерывистое ритмичное шуршание слилось с капелью и лишь черная, размазанная полоса по дну трубы напоминала о драме.

Из руки вывалился ятаган и со звоном брякнулся о бетон. Генка дрожал и вовсе не от холода. На лбу выступила испарина, сердце бухало, слабость электрическим проводом гудела в теле. Он еще некоторое время смотрел в темноту, прислушивался к капели. Генка не понимал, как можно с такими страшными ранами жить и тем более двигаться. Он собственными глазами видел глубокий разрез в области холки, разделивший тело почти пополам, лохмотья срезанной кожи на морды, вытекший глаз.... По спине прошелся озноб. Подумал и испугался, что если тварь вернется и приведет других, или другие прейдут по следу ее крови? В голове возник образ чмока, с массивной челюстью и острыми как иглы зубами. Он понимал, что безопаснее догнать и добить свинью, но не мог себя заставить двинуться с места.

Генка долго стоял на коленях, погруженный в черную кровь и порубленную тушу, все всматривался в темноту, его контур пульсировал и мерцал. Из мрачного ступора его вывел хриплый выдох, прорвавшийся сквозь далекую капель. С парня словно сняли стеклянный колпак, звуки вернулись. Страх за Павла, совсем другой не похожий на тот, который пришлось пережить несколько минут назад, заставил Генку встрепенуться. Он подскочил на ноги, развернулся и кинулся к скрученному в кольца шлангу. К невероятному облегчению, шланг продолжал медленно раскручиваться и уходить в серо-зеленый ил, из него доносилось тяжелое дыхание. Генка схватил «черную змею» трясущимися руками и продолжил контролировать погружение.

Спустя несколько минут скольжение прекратилось. Муханов насторожился, все его чувства обострились. Шланг дернулся и снова стал медленно раскручиваться. Через полметра замер. Теперь остановка длилась дольше. Около минуты, затаив дыхание, Генка прибывал в тревожном неведении. Дурные мысли лезли в голову. Лишь тяжелые вдохи и выдохи, удерживали его от паники и отчаяния.

Наконец Генка услышал долгожданное мычание из резиновой трубы. Пальцы вцепились в шланг. Первое желание было схватить и тащить что есть сил. Но вспомнил наставление Павла. Он говорил ему внятно и четко, словно диктовал диктант, – «Ни в коем случае после сигнала не надо суетиться и тем более резко тянуть шланг. Он может выскользнуть изо рта, и тогда я захлебнусь грязью».

Генка замер. Досчитал до пяти и принялся медленно, соизмеряя силу и скорость, тянуть шланг. Чувствовал приятную тяжесть на другом конце. Вскоре черную шероховатую поверхность сменила скользкая грязевая пленка. Шланг проскальзывал в ладони, приходилось сильнее сжимать пальцы. Измотавшись в конце, Генка поменял технику. Он перекинул шланг через плечо, обвил вокруг талии и стал медленно отходить назад, шагочек, за шагочком. Пройдя несколько метров, бросил шланг, быстро перебежал к краю трубы, по новой обматывался и продолжал тянуть.

Он не мог дождаться когда, наконец, появится Павел. Казалось, шланга вытянул больше, чем было изначально. За своим тяжелым дыханием он уже не слышал вдохи и выдохи старлея. Грязный, мокрый шланг все тянулся и тянулся, казалось, ему не будет конца. Как Генка не вглядывался в край бетонной трубы, Павел появился неожиданно. Серая грязевая гладь взорвалась всплеском и серая рука ухватила за бетон, затем вторая, из жидкой топи вынырнула большая кочка. Павел выплюнул шланг и с жадностью втянул воздух. Генка отпустил «кишку» и кинулся к илистой кочке с розовым кружком в области рта. Павел оказался невероятно тяжелым. Упираясь и проскальзывая, Генке удалось втащить его внутрь коллектора. Обессиливший старлей ему почти не помогал, он едва шевелился, словно обмороженный. Вся спасательная операция происходила в молчании, лишь сопение, хлюпанье и тяжелое дыхание.

Павел лежал на спине минут десять, прежде чем отдышался и смог говорить.

– Ни – черта – не – нашел, – просипел он.

– Что? – переспросил Генка.

– Не – нашел.

Повисло молчание.

– Что будем делать? – робко спросил Генка.

– Прид – ем зав – тра, на сего – дня я пасс.

– Шланги оставим здесь?

Павел кивнул. Всего с головы до ног его покрывала жидкая грязь. Она стекала с панциря, с волос, с лица в черные лужицы. Павел походил на большую куклу, вылепленную из грязи. Лишь белки выдавали в темно-серой оплывшей форме Божье создание.

– Помоги снять желе – зо, – Павел с трудом сел. Генка поспешил расстегнуть боковые ремни и стянуть кирасу. Жидкая грязь хлынула из – под панциря. Шланг, привязанный проволокой, выскользнул и брякнулся рядом. Еще около часа они провозились в бетонной трубе, приводя себя в порядок.

На обратном пути Павел заметил черный, петляющий след на дне коллектора. Он присел на корточки и пальцами провел по извилистому мазку. Затем поднес к лицу и понюхал.

– Это кровь свиньи, – пояснил Генка.

Павел обернулся.

– Не знаю, откуда она взялась? Подкралась сзади. Ну, я ее, – Генка замялся, – того, порубил. Думал на смерть, а она уползла.

– Надо было наверняка. Лучше всего отрубить голову.

Генка пожал плечами.

– Может случиться, что наша тропа станет не безопасной.

Они двинулись дальше. Павел первый заметил обвал и зияющую дыру в верхней части трубы, через которую просачивался серый день. Он остановился у аварийного участка, с неровными краями, с повисшими на арматуре кусками бетона. Осторожно протиснулся между осколками и выглянул наружу. Бетонный столб рухнул и проломил стенку трубы. Обрушение произошло возле контейнеров, рядом с рельсами башенного крана и не особо было заметно.

Павел высунулся по пояс и стал осматриваться, он все надеялся увидеть труп свиньи и успокоиться. Пролом можно замаскировать, надвинув контейнер, при помощи чалки.

Генка стоял внизу и ждал, старлей вдруг дернулся и в следующий миг выскочил из коллектора. Несколько секунд Генка недоумевал, куда это рванул Павел, затем, обдирая кожу, пробрался сквозь арматуру и куски бетона, выглянул из трубы. Он сразу заметил его. Павел, пригибаясь, бежал к пристани, туда, где на маленьком пяточке толкались, четыре растворителя. Он с ходу сбил двоих с набережной, словно шар кегли и полетел с ними вниз. Только это был не отчаянный шаг мести или акт самоубийства. Генка широко раскрытыми глазами видел, как возле пристани, прямо над тем местом, где он сорвался с парапета, плясала дыра. Через нее виднелись противоположный берег, часть моста и машины, ползущие по нему букашками, голубое небо, каменная набережную, кованая ограду. Он вылез из коллектора и готов был броситься следом за Павлом.

Глава №9

От волнения сердце яростно билось, но Генка не успел, сделать и шага. Пляшущий круг на стыке миров исчез. Просто сузился до точки и исчез. От отчаяния и обиды Муханов едва сдержался, чтобы не завопить. Он вгляделся в оставшихся двух типов в черных плащах, которые толкались у края пристани, сталкивались и разбегались. Растворители были не так далеко, они, несомненно, услышат его вопль. Тихо подвывая, Генка сполз обратно в коллектор, ко всем неудачам и вселенскому горю, которое он переживал, кривой штырь арматуры вспорол штаны, и из кармана посыпалась звонким дождем на дно трубы мелочь. Шмыгая носом, Генка собирал в полумраке монеты. Поднимал с обломков, выуживал из мутного ручейка, протекающего по дну, нащупывал на шероховатой полукруглой поверхности. Муханов не мог оставить мелочь, даже вовсе не нужную. Штампованные железные кругляшки, стали для него бесценны, теми немногими вещами, напоминающими о прошлой жизни. Тыльной стороной ладони Генка вытирал застилающие глаза слезы, снова и снова окидывал трубу взглядом в поисках монет. В какой-то момент он остановился на правой ноге. С яростью дернул обрывок ткани от пончо Павла, обмотанный вокруг ступни. Ему не сразу удалось разорвать веревку, удерживающую ткань на ноге, и это еще больше разозлило. Он упал, и все продолжал терзать импровизированный мокасина. Наконец ему удалось содрать с ноги лоскут, со сдавленным завыванием, размашистым движением откинул тряпку, словно разгневанный, капризный ребенок, вымещающий зло на игрушке. Затем сел обхватив ноги руками, спрятал лицо между колен и заныл.

Он всхлипывал придавленный грузом апатии и безнадежности, он почувствовал черную пустоту коллектора внутри себя. Тело обмякло, стало тяжелым и ненужным. Он мог бы долго просидеть неподвижно, ни о чем не думая, обнимая колени, глядя в одну точку, но затекшая ягодица нарушила его мрачный покой. Генка поднялся и сунул мелочь в уцелевший карман. Страх возвращался. Пригнувшись, он поплелся знакомой дорогой на чердак. Весь обратный путь терзался обидой, вспоминал предательство, бегство Павла, позволившего растворителям его заарканить, подкидывал «угля» и снова терзался. Он ведь мог взять его с собой, попробовали бы прорваться вдвоем. Нет, он, молча, как таракан, вылез и побежал. Слезы вновь выступили на глазах. Генка со злостью врезал кулаком по круглому боку коллектора. Шатаясь, словно пьяный, он шел по трубе то и дело задевал плечом или затылком шершавый бетон.

Не помнил как добрал до нужного дома, как выдвинул доску, как перекинул ее на другое здание, как перебрался через пропасть на чердак. Он очнулся только перед дверью каморки. Тяжко и протяжно вздохнул, медленно отпер дверь, словно она была отлита из чугуна, не зажигая лампы, упал на прелый худой матрац и замер. Он не знал о чем думать, как существовать дальше. Сунул руку в карман, и стал перебирать монетки. Генка не мог с уверенностью сказать, стало ли ему от этого легче, но ладонь, словно наполнялась теплом.

Он лежал в темноте около часа, перебирая деньги: то потоком пропуская по ладони, то отсчитывая одну за другой. Снаружи послышался глухой удар. Генка зажал деньги в кулаке и прислушался. Он вспомнил, что не убрал доску. Беспокойство заерзало внутри, возбуждая воображение.

«Чмоки?» – жуткая мысль заставила парня встrepенуться. Он сел и долго слушал тишину. Подозрительного звука не повторилось. «Показалось. Доску уберу потом» – отмахнулся Генка. Ему жутко не хотелось шевелиться, тем более он вспомнил, как опасно и непросто перебраться по хлипкому мостку. Воображение нарисовало, падающих вниз чмока, за ним растворителя и заодно свинью. Лень и апатия положили его на обе лопатки, вынуждая пренебречь безопасностью.

Со скрипом распахнулась дверь. Генка от неожиданности подпрыгнул. В темноте ничего не было видно. «Что за тварь?» – метнулась отчаянная мысль. Он прижался к стене и старался не дышать. Тишина. Он не выдержал, и как ему показалось, громко сглотнул.

Искра, воспламенившая газ разогнала темноту. Генка не верил своим глазам. Перед ним, стоял Павел и держал огонек, зажав его «хвост» в кулаке. Приподняв над головой руку с зажигалкой, Павел шурился и всматривался в глубину комнаты. Желтый свет от пламени прыгал не его лице, казалось, что старлей постоянно гримасничает. Безмолвные черные тени, словно цепные псы, то выскакивали из-за углов, то снова прятались. Муханов ничего не мог выговорить, он бросился к Павлу и обнял его.

– Ты че? – опешил старлей. В недоумении развел руки в стороны, не зная, что с ними делать. Пляшущий огонек на кончике зажигалки тускло освещал комнату под крышей.

– Да, что случилось? Можешь сказать?

Он аккуратно отстранил парня от себя и, удерживая за плечо на вытянутой руке, внимательно посмотрел ему в глаза. Генка молчал, наклонил голову, пряча слезы.

– Ты, Муха, подумал, что я тебя бросил? – воскликнул Павел, – дурень, смотри. Зырь, что у меня.

Павел прошел к тумбе и зажег фитиль керосинки. Слабый язычок пламени осветил комнату.

Не без гордости он вытащил из складок грязного пончо мобильник.

– Телефон, – бледная улыбка Генки ярче огонька озарила комнату, – мы свободны, – не сдерживая радости завизжал он.

– Тихо, – зашипел Павел и замахнулся рукой.

– Чего тише? – Не унимался Генка, – давай набирай номер и полетели.

– На, набирай, – Павел протянул ему мобильник.

– Что? – удивился Генка.

– Номер.

Муханов неуверенно взял телефон. Поведение старлей насторожило его и заставило подумать, что не все так просто. Приятный гладкий пластик, привычные закругленные формы, это ведь был его мобильник. Он поудобнее вложил телефон в ладонь, нажал на кнопку записной книжки и остановился. Экран в ожидании следующей команды вспыхнул голубоватым светом.

– А какой номер?

– Я про то же.

– Керосин портится, надо искать что-то другое, – пробормотал Павел.

– Паш, подожди.

Генка явно чего-то недопонимал.

– У нас есть телефон. Ты ведь сам говорил, что с его помощью мы сможем вернуться.

– Муха, не так все просто. Нужен звонок. Причем ни какой-нибудь, а именно тот, который делает дыры.

– Давай сами позвоним.

Генка судорожно стал нажимать клавиши, вызывая из памяти устройства входящие вызовы. После каждого набора внимательно вслушивался в динамик, крепко прижимая телефон к уху. Павел ему не мешал, он сам подобную операцию уже проделал несколько раз и знал итог. Он хотел, чтобы Генка убедился лично, что статистика входящих вызовов не сохранила нужного номера, и каждый вызов будет сопровождаться далекими гудками сквозь помехи и шорох. Около получаса он просидел в подвале под развалинами административного здания и нажимал на кнопки, методично прозванивая все входящие номера и находящиеся в записной книжке. Одно и то же – гудки, треск, шорох. В тщетных попытках он истратил три черточки заряда батареи, оставалось две. Как не было жаль аккумулятора, он не мешал Генке. Тот

набирал номер и жадно прижимал мобильник к уху, снова набирал и прижимал. На восьмой попытке Павел поймал его руку.

– Муха, бесполезно.

Генка зло зыркнул и стал вырывать руку.

– Я уже все попробовал.

Павел с силой сжал его запястье и вырвал мобильник.

– Побережем батарейки, рядовой, – Павел по доброму смотрел в глаза Генке, как бы уговаривая его. Он вносил разумное предложение, а вовсе не отнимал телефон. Генка расслабился, злость в его глазах погасла, взгляд стал осмысленным.

– И что теперь?

Павел отпустил его руку.

– Будем ждать.

Он сел на тумбочку, мобильник положил рядом, как бы давая понять, что он не забрал его себе, тот остается предметом общего пользования. Суетливый взгляд Генки то и дело падал на черный пластик трубки. Он облизал губы, и, пересиливая свои желания, как можно спокойнее и непринужденнее сел на матрац. Повисло тягостное молчание. С улицы доносились стоны умирающего города.

– Муха, – наконец старлей разрядил тишину, – полей мне на раки, я умоюсь, да и тебе не мешало бы.

Павел встал и пошел к кувшину возле двери, краем глаза наблюдая за Генкой. Муханов встал и пошел следом.

Не проронив ни слова, они умылись. Павел скинул грязное пончо и долго его отряхивал от засохшей грязи за дверью. Когда он вернулся, телефон был на месте. Генка сидел на матраце, потупив взгляд.

– Чего приуныл, солдат?

– А-а – а, – Генка печально махнул рукой.

– Не бзди, Муха, прорвемся. Вот увидишь, прорвемся. Он обязательно позвонит. Днем раньше, днем позже. Нам и так повезло, что вовремя заметили дыру, а то, сколько еще искали бы в грязюке? Ты бы видел, как два придурка в шляпах, которых я зацепил, кувыркались в болоте. Умора.

Генка достал из кармана несколько монет и стал их методично, одну за другой отсчитывать в подставленную ладонь. Раздавалось тихое звяканье.

– Почему ты не ушел?

– А как же ты? – не задумываясь и просто ответил офицер, так словно он не упустил возможность остаться в живых, а всего на всего пропустил троллейбус, рассчитывая заскочить в следующий.

У Муханова навернулись слезы, он злился на себя, на свою плаксивость, но ничего не мог поделать с собой. Он знал этого человека всего ничего, и тот пренебрег случаем выбраться из этого кошмара ради него. Генка не был уверен, что поступил бы именно так.

Глава №10

Они сидели в темноте и ждали звонка. Генка перебирал монетки, железные кругляшки с глухим звоном ударялись друг о друга. Шум снаружи параллельной реальности забивался под крышу и приглушенный проникал в коморку. Ухо различало далекий гул большегрузной машины, скрип тросов портовых кранов, тихий, словно через подушку, гудок буксира со стороны Волги, громкая дробь камнепада, завывание, где-то рядом булькающее клокотание и захлебывающийся всхлип.

– Я так быстро к ним подлетел, что они меня не заметили до последнего момента, пока их не толкнул с пристани. Эти козлы и на самом деле тупые. Стояли возле дыры и ни как не могли врубиться в чем дело. А дыра по ходу возникала не раз. Видел, сколько растворителей собралось?

Яркий уголек на кончике сигареты зажатой между губ старлея «кивал» в темноте. Генка внимательно слушал рассказ Павла.

– Уроды, просекли меня только когда уже летели вниз. Муха, не поверишь. Они пытались меня схватить на лету. Я попал прямо в кольцо, потому, что его видел и прицелился. Еще в полете увидел, что подо мной вода. Я нырнул. Думал, задохнусь. Точнее ни о чем не думал, только, как найти телефон. Это я потом думал, что задохнусь, может быть, и задохнулся бы...

Павел замолчал и выпустил очередную порцию дыма.

– Мне так, Генка, ни когда не везло. Я его сразу нашел. Что не хватает кислорода, понял, когда повернул назад. Чуть водицы не хлебнул. Когда вынырнул, так вдохнул, что едва легкие не порвал. Отдышался, проплыл еще пару метров по воде, потом, щелк -проход закрылся и я упал в грязюку.

Павел снова замолчал, стряхивая пепел с кончика сигареты.

– Двое придурков, которых я столкнул, колотили по грязи руками, словно мельницы. Они одновременно старались принять вертикальное положение и двигаться ко мне. Ни черта плавать не умеют, уроды. Те, что остались наверху, подступили к краю, едва не падали вниз. Они меня просто сжирали своими глазками-маслинами. Толкали друг друга, как зомбяки вытянули вперед руки и хватали воздух своими пальцами, жуткая картина признаюсь тебе. Страшно представить, что было бы со мной, поймай они меня. Порвали бы. Точно разодрали бы на куски, столько в них было злости.

Уголек опустился вниз и вздрогнул, Павел выдохнул струю дыма. В горле у Муханова запершило. Но он не роптал, с интересом слушал историю.

– Вот, – Павел собирался с мыслями, восстанавливая в памяти цепь событий.

– Я сам не лучше ихнего барахтался в грязи, как щенок. Хорошо, что кирасу снял в коллекторе. Силы таяли, словно снег в ладони. Едва останавливался, как сразу начинал тонуть. С горем пополам минут за десять продвинулся метра на три, когда обернулся один бледнолицый уже ушел на дно, только шляпа осталась. Второй глотал жижу, а те двое, что на пристани даже не пытались им помочь. Они стояли напротив меня на берегу и бесполезно ловили пальцами воздух. И знаешь, Генка, что в этом всем сумасшествие поразило больше всего? Ни звука, только всплески грязи. Растворитель молча захлебывался, не вякал, не пикая. Очуметь.

Уголек подпрыгнул вверх. Павел жадно затянулся. Кончик сигареты вспыхнул ярким огоньком.

– Я проплыл, если можно так назвать беспомощное барахтанье, еще полметра, когда понял, что не дотяну до берега. Устал пипец как. Тело отказывалось слушаться. Перед глазами поплыли круги, я начал тонуть. Реально тонуть. Но ты знаешь, Муха, мне не было страшно. Клянусь. Все так стало пофиг. Только телефон не выпускал из рук.

Павел хмыкнул.

– Представляешь, я дурень надеялся, что вдруг он зазвонит.

Павел замолчал. Сделал две затяжки подряд. Потом продолжил.

– Еще я надеялся, что ты Муха догадаешься и поможешь. Я не сводил глаз с выхода из коллектора. С этого чертова черного круга. До последнего надеялся, даже тогда, когда грязь подступила к губам. Кричать пытался.

– Паш, – вспыхнул Генка, испытывая жгучее желание оправдаться, – я подумал, что ты того, уже в лучшем мире, то есть в нашем. Просто был уверен, что ты меня кинул.

– Ладно, проехали, – печально проговорил Павел.

– Я уже попробовал на вкус ил, когда моя нога почувствовала что-то твердое. Подумал – дно. Так обрадовался, ты не представляешь. Не пойму, откуда взялись силы. Я продолжил бороться за жизнь. Только это было не дно. Через пару шагов оступился и снова провалился в гать. Я сделал шаг назад. Скорее всего, я стоял на каком-то затопленном ящике или холодильнике. Для меня и этого было достаточно, чтобы отдышаться и отсрочить визит костлявой. Минут двадцать топтался на нем, словно поплавок, и вдыхал гниль. Я уже не обращал внимания на двух уродов на пристани, стало понятно – они не опасны.

Уголек упал на пол и погас, придавленный ботинком.

– До трубы было еще метров пять. Чуть дальше, чем до тебя, но там, это казалось бесконечностью. Я стянул свою накидку, свернул в комок и бросил к коллектору. Потом оттолкнулся от ящика, или чего там, не знаю, и сразу срезал метр. Яростно замолотил руками, ногами. Мне удалось более – менее принять горизонтальное положение. Барахтался минут пятнадцать точняк, прежде чем пальцы коснулись края трубы. Убица. У меня до сих пор мышца ломит. Кое – как выполз, все брюхо оцарапал о бетон. Но я был доволен. Единственное чего было жалко так это ятаган. Он утонул. Я провалялся в коллекторе минут сорок, потом напялил пончо и поплелся домой. Шланг оставил в трубе, он нам не нужен больше, кирасу тоже бросил. День, другой и надо менять стоянку. Завтра пойдем искать место, а сейчас давай укладываться. Павел взял в руки телефон и нажал на клавишу с изображением красной трубки. Мобильник пропиликал прощальные аккорды и погас.

Они уже лежали, когда Павел снова заговорил.

– А досточку, Муха, зря не убрал. Мало ты еще здесь.

Глава № 11

Генку опять мучили кошмары. Ему снилось, что он оказался в глубокой яме, а наверху толпятся чмоки, растворители и свиньи. Они чувствуют его, но не могут посмотреть вниз и увидеть. Генка вжимается в сырую глину, старается быть незаметным. Неожиданно ему прямо на голову падает дохлая свинья, та, которую он изрубил. Муханов несколько раз просыпался в горячем поту, тяжело дышал и вертел головой по сторонам, убеждаясь, что он не в яме. Павел не слышал его бормотания и стонов. В эту ночь, вымотанный и выжатый как лимон, он спал мертвецким сном. Один раз ему все-таки пришлось проснуться. Сильный треск где-то в дальнем углу чердака, расколос слепой ночной мир. Генка тоже проснулся.

– Надо искать новую хату, – пробубнил Павел и перевернулся на другой бок. Через минуту Муханов слушал сопение.

Генка позавидовал ему и долго еще ворочался, прежде чем вновь погрузился в тревожное забытие.

Он проснулся первым, едва серый рассвет начал вытеснять мглу. Генка чувствовал слабость и немощность после ужасной ночи, на душе было гадостно и мерзко. Хотелось в туалет, но он терпеливо соблюдал тишину, давая Павлу выспаться. Тот вчера настрадался за них обоих по самую планку. Павел проснулся минут через сорок. Сладко потянулся и посмотрел на Генку.

– Уже встал, рядовой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.